В.Н.Рудаков

ВОСПРИЯТИЕ МОНГОЛО-ТАТАР В ЛЕТОПИСНЫХ ПОВЕСТЯХ О НАШЕСТВИИ БАТЫЯ

Нашествие монголо-татар представляло собой рубежный момент в истории средневековой Руси. Судя по всему, это в значительной степени осознавалось и переживалось современниками происходивших событий и их ближайшими потомками. Масштабы нашествия, его стремительность и деструктивная мощь, небывалые бедствия, вызванные приходом ордынцев на Русь, наконец, сами по себе необычность и непривычность монголо-татар как этноса (иное поведение будь то в быту или в бою, иные нравы, "языковой барьер" и др.) — все это предопределило пристальный характер внимания к этому народу со стороны древнерусских книжников — своеобразных "рупоров эпохи", выразителей общественных настроений. Раскрывая аспекты восприятия монголо-татар, следует указать, что, вероятнее всего, именно перечисленные факторы существенно повлияли на стремление писателей той поры глубже осмыслить и сам *феномен монголо-татар*, и *причины их появления на Руси*, и *возможные выходы из создавшейся — плачевной для Руси — ситуации*. Вместе с тем, осмысливая группу проблем, касающихся "монголо-татарского фактора", книжники не могли обойти стороной вопросов, связанных с морально-нравственной самооценкой. Действительно, практически во всех памятниках, созданных вскоре после нашествия, появление монголо-татар и поражения русских князей рассматриваются в неразрывной связи с той "духовной ситуацией", которая сложилась на Руси в предшествующий период. Таким образом, восприятие монголо-татар, осуществляемое в рамках саморефлексии книжников, являлось важным элементом тех морально-нравственных и интеллектуальных исканий, которые и определяли основные векторы духовного развития русского общества в рассматриваемый период.

* * *

Характер летописных рассказов о нашествии Батыя — содержащихся в них оценок, деталей описания событий, используемых сюжетов — определялся сочетанием личных пристрастий писателей и ряда социальных факторов, судя по всему, оказывавшим мощное влияние на творчество книжников. На восприятие монголо-татар среди прочих влияли и место, в котором создавался тот или иной рассказ

(было ли это княжество, подвергшееся татарскому разорению или же переферия русско-ордынских контактов), и характер отношений "политической элиты" соотвествующего княжества с ордынскими властями (от явно враждебного до заискивающе дружелюбного), и время появления повествования (писалось ли оно по горячим следам очевидцем или же создавалось post factum как результат спокойных размышлений потомка), и источники информации авторов (непосредственное восприятие или литературная обработка слухов) и пр.[1]

Самые ранние повествования о нашествии Батыя содержатся в Ипатьевской (далее — Ипат.), Новгородской первой летописи старшего извода (далее — НПЛ) и Лаврентьевской (далее — Лавр.). История текстов Повести о нашествии Батыя находится в тесной связи с содержащими ее летописными памятниками. Именно этим обстоятельством и обусловлена сложная текстовая структура анализируемых повествований. В результате длительной эволюции тексты произведений дошли до нас в виде неоднородной мозаики. В силу этого выявление первоначального ядра повествований, а также точная датировка каждого из разбираемых текстов представляются крайне затруднительными.

Наиболее полный анализ текстов Повести предпринят А.Ю.Бородихиным. По мнению исследователя, все три ранних летописных рассказа "характеризуются некоторой обособленностью (разрядка А.Ю.Бородихина. — В.Р.) внутри летописного окружения" — "это обстоятельство позволяет говорить о "вставном" характере ранних повестей, и, следовательно, об относительной независимости их от всего целого"[2]. А.Ю.Бородихин полагает, что для всех трех ранних редакций Повести существовал общий источник (источники). По его мнению, "связь ранних редакций... должна определяться только через прямое или опосредованное восхождение к этому источнику и независимое друг от друга отражение его"[3].

В науке предпринимались попытки обнаружить общие источники трех ранних редакций. Так В.Л.Комарович обратил внимание на то, что большинство дошедших до нас летописных рассказов о нашествии Батыя начинаются с описания татарского взятия Рязани. По мнению исследователя, "нигде голос непосредственного наблюдателя и даже участника изображенных событий не слышится более внятно, чем в рязанском эпизоде рассказа". Вообще В.Л.Комарович считал, что в основу целого ряда летописных известий НПЛ, Лавр. и др. легли "выдержки из рязанских летописных рассказов, главным образом, о татарских нашествиях 1224 и 1237 гг.", а также — об усобице 1218 г.: "выдержки из этого рязанского памятника, — полагал исследователь, — новгородец сблизил с новгородскими, а ростовец — с ростовскими известиями", причем заимствования новгородского сводчика "были более обширными"[4]. Помимо НПЛ и Лавр.,

по мнению исследователя, следы рязанского источника обнаруживаются и в Ипат[5]. Как полагал В.Л.Комарович, первоначальный рассказ о нашествии Батыя был составлен в 30—40 гг. XIII в. в рамках недошедшего рязанского летописного свода и повествовал не только о собственно рязанском эпизоде татарского нашествия, но также и об осаде татарами Владимира и Козельска[6]. По мнению А.Ю.Бородихина, составители всех трех ранних вариантов Повести так или иначе использовали владимирский великокняжеский свод Ярослава Всеволодовича, причем, как полагает исследователь, составители рассказов Ипат. и НПЛ воспользовались материалами этого свода еще до соединения последнего с ростовской летописной традицией[7].

Мнение В.Л.Комаровича относительно рязанского происхождения начальной части статьи **НПЛ** поддержал А.Н.Насонов. Однако, по мнению исследователя, сам по себе факт, "что изложение начинается с этих событий, конечно, не является указанием на рязанский источник", поскольку путь татар на Русь, действительно, начинался с Рязанской земли. А.Н.Насонов исходил из наличия в НПЛ особых указаний на рязанское происхождение источника, в первую очередь, нашедших отражение в деталях описания нашествия. Исследователь достаточно осторожно высказался о характере привлеченного составителем НПЛ протографа: в отличии от В.Л.Комаровича, А.Н.Насонов отметил лишь *возможность* существования рязанских летописных сводов (т.е. "больших, сложных летописных памятников, соединяющих известия разного происхождения"), допустив при этом, что новгородский составитель "Повести" "пользовался письменным рязанским источником"[8]. По мнению исследователя, рязанский источник привлекался не на всем пространстве летописной статьи; в последующем изложении составитель версии НПЛ мог обращаться, в том числе, и к устным источникам[9].

Д.С.Лихачев отметил, что "вся статья 1238 г. НПЛ носит компилятивный характер: сперва в ней помещен рязанский рассказ, потом рассказ о взятии Владимира, сходный с Лавр. и восходящий, очевидно, к ростовскому летописанию, затем — выдержка из Поучения о казнях Божиих, читающегося в Повести временных лет под 1068 г."[10] Несколько иного мнения придерживается А.Ю.Бородихин. Он полагает, что составитель рассказа НПЛ воспользовался как минимум тремя источниками: помимо владимирского и ростовского, еще и южнорусским[11]. Вслед за В.Л.Комаровичем, Дж.Феннел отметил, что повествование НПЛ "составлено из двух различных источников: не дошедшей до нас летописи рязанского происхождения и записи новгородца"[12]. К такому же выводу приходит и В.А.Кучкин. По мнению исследователя, "рассказ о Батыевых походах составлен в НПЛ по двум источникам: рязанскому и осо-

бому источнику, который следует признать новгородским по содержащимся в нем известиям о Торжке и новгородской земле[13].

Появление "Повести о нашествии Батыя" в составе НПЛ исследователи относят ко времени не ранее сер. XIII — первой половины XIV в.[14] Летописный рассказ о нашествии находится в т.н. "второй части" Синодального списка НПЛ. Текст этой части написан почерком первой половины XIV в.[15]. Точно установить время появления текста довольно затруднительно: в любом случае исследователю приходится опираться на гипотетически выявленные источники повествования. Среди прочих достаточно интересную датировку рассказа НПЛ предложил А.Ю.Бородихин. По мнению исследователя, "Повесть о нашествии Батыя" могла появиться в летописи около 1255 г.: именно к этому времени он относит составление гипотетического новгородского летописного свода, отразившегося, в частности, в Тверском сборнике[16]. "Свод 1255 года", заканчивавшийся летописной статьей, повествующей об усмирении новгородского мятежа князем Александром Ярославичем, по мнению А.Ю.Бородихина, "вполне мог быть летописным сводом Александра Невского или владычным сводом, поддерживавшим политику этого князя". Среди духовных лиц, возможно, оказавших влияние на составление свода, исследователь называет митрополита Кирилла, в 1251 г. прибывшего на Северо-Восток Руси[17]. Еще одним аргументом в пользу раннего появления рассказа НПЛ, по мнению А.Ю.Бородихина, является то, что составитель Повести, дошедшей до нас в указанной летописи, воспользовался еще не соединенными друг с другом владимирскими и ростовскими записями о нашествии. Соединение же владимирских и ростовских записей, нашедшее отражение в Лавр., по мнению исследователя, могло произойти в период с 60-х гг. XIII по нач. XIV в.[18]

М.Д.Приселков полагал, что текст **Лавр.** на пространстве от 1193 и до 1239 г. — "едва ли не труднейшая для анализа часть этой летописи"[19]. По его мнению, рассказ Лавр. о Батыевом нашествии носит сводный характер и был составлен в 1239 г. в Ростове для великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича на основании двух источников — ростовского ("свода Константина и его сыновей") и владимирского ("свода великого князя Юрия Всеволодовича") летописцев[20]. Сводный характер летописной статьи, по мнению М.Д.Приселков, выразился в наличии "переходных" фраз ("но то оставим", "но мы на передняя взидем" и др., означающих переход от текста одного источника к тексту другого), дублируемых известий (в частности, по выражению М.Д.Приселкова, "герои этого рассказа умирают по два раза, и это на простанстве нескольких строк"), а также различной "литературной манеры" у составителей ростовского и владимирского источников[21].

Д.С.Лихачев согласен с общей гипотезой М.Д.Приселкова о перенесении владимирского великокняжеского летописания в Ростов, а также с предположением последнего о соединении в рамках летописного рассказа о нашествии Батыя двух источников — ростовского и владимирского. Вместе с тем, Д.С.Лихачев полагает, что ростовские известия статьи 6745 г. Лавр. следует возводить к так называемому "своду княгини Марьи" — дочери казненного в Орде князя Михаила Всеволодовича Черниговского и супруги замученного татарами князя Василька Константиновича Ростовского. Указанный свод, по мнению Д.С.Лихачева, будучи составлен в 60–70 гг. XIII в. на волне антиордынских выступлений в Северо-Восточной Руси, "был проникнут идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость родины". В силу известных родственных пристрастий княгини Марьи, указанный свод подробно дополнял владимирский источник информацией о ростовских князьях и событиях, произошедших в Ростове[22].

А.Н.Насонов отрицательно отнесся к возможной зависимости рассказа Лавр. от соотвествующего повествования НПЛ: "сравнительно немногие конкретные черты", содержащиеся в Лавр., отсутствуют в НПЛ; не находит исследователь и "бесспорно общих мест"[23]. А.Н.Насонов поддержал выводы М.Д.Приселкова о том, что недошедший до нас источник Лавр. (так называемый "свод 1305 года") в интересующей нас части представлял собой соединение предшествующих владимирского и ростовского летописных сводов. Однако, по мнению А.Н.Насонова, соединение этих двух источников "свода 1305 года" произошло не в 1239 г., как полагал М.Д.Приселков, а несколько позже. Во-первых, как считал исследователь, в основу свода, составленного при князе Ярославе, который долгое время являлся противником Константина, вряд ли мог быть положен "ростовский летописец Константина и его сыновей". Во-вторых, по мнению А.Н.Насонова, свод не мог быть составлен в 1239 г.: "и до 1239 года и после видим в Лавр. сильную ростовскую окраску". Наконец, как заметил исследователь, в угоду идеологической установке свода — "идее братского единения князей" — составитель существенно подправил изложение ряда статей, что, по мнению А.Н.Насонова, не могло произойти в 1239 г., "когда память о событии была еще свежа". На основании анализа текста, исследователь пришел к выводу, что вкрапление "ростовского материала" во владимирский великокняжеский свод произошло в 1281 г.[24].

В.Л.Комарович, высказавший предположение о существовании рязанского и ростовского источников рассказа Лавр., отметил, что "только двумя этими источниками весь рассказ исчерпываться не может"[25]. По мнению исследователя, появление в Лавр. целого ряда известий и, в первую очередь, ряд деталей статьи о нашествии Батыя следует относить к авторскому вкладу "мниха Лаврентия". По-

добный вывод исследователь основывал на предположении о неидентичности текста Лавр. тексту недошедшей Троицкой летописи (далее — Тр.), которая, в свою очередь, точно передавала текст "свода 1305 года" — протографа Тр.-Лавр. "Все распространения, сокращения или замены в Лавр. сравнительно с тем, что читалось о Батыевой рати в "Летописце 1305 года", могли быть сделаны только тем, кто этот "Летописец" в 1377 г. собственноручно переписывал, т.е. мнихом Лаврентием. Его авторский вклад в рассказ о Батыевой рати теперь может быть ... легко обнаружен"[26]. Однако обнаружение "авторского вклада" Лаврентия оказалось напрямую связанным с реконструкцией недошедшей Тр. Для реконструкции интересующего нас рассказа о нашествии Батыя исследователь предложил воспользоваться текстом Воскресенской летописи (далее — Воскр.).

По мнению В.Л.Комаровича, Лаврентий, не будучи современником описываемых событий, был вынужден обращаться к предшествующему летописному материалу, заимствуя оттуда целые выражения для рассказа о событиях Батыева нашествия[27]. Справедливо обратив внимание на этот "литературный прием" составителя рассказа Лавр., В.Л.Комарович, тем не менее, не совсем корректно привлек для анализа Воскр. Как показали исследователи, текст Тр. за 1237—1239 гг. восстанавливается на основе Симеоновской летописи, из которой необходимо извлечь добавления, попавшие в нее из Московского свода 1479 г.[28]. Текст же рассказа о нашествии Батыя, дошедший до нас в Воскр. "... с начала ... и до конца... почти слово в слово совпадает с соответсвующим текстом ... Московского свода 1479 г.", в свою очередь, передающего текст Софийской первой летописи (далее — СПЛ). Составитель же СПЛ, "комбинируя" свои источники (по мнению А.Н.Насонова, это Лавр., НПЛ, Ипат. — В.Р.), пытался дать наиболее полный, связный, исчерпывающий рассказ"[29]. Отвергая возможность привлечения Воскр. для реконструкции Тр., А.Н.Насонов исходил из признания идентичности текстов Тр. и Лавр. Иначе говоря, по мнению исследователя, текст Лавр. не отличался от текста своего протографа — "свода 1305 года" и, следовательно, не являлся результатом творчества, "авторского вклада" своего переписчика — Лаврентия[30].

Иного мнения придерживается Г.М.Прохоров, который на основании кодикологического анализа Лаврентьевского списка 1377 г. пришел к выводу о том, что изготовители рукописи в значительной степени переделывали имевшийся у них текст, причем эти переделки были связаны "именно с татарской темой". Вслед за В.Л.Комаровичем, исследователь полагает, что Повесть о Батыевом нашествии явилась произведением "в какой-то мере писцов 1377 г."[31]. Однако, в отличие от своего предшественника, который не признавал схожести рассказов о нашествии в Лавр. и Тр., Г.М.Прохоров полагает, что "Повесть о Батыевой рати в обеих ле-

тописях имеет один и тот же облик"[32]. Как пишет исследователь, "если общий с Тр. текст Лавр. — плод какой-то работы 1377 г., то Тр. опирается (непосредственно или через какое-то промежуточное звено) на саму Лавр." Таким образом, вопреки устоявшимся в науке представлениям об истории летописания, исследователь предположил, что "эта Повесть попала в Тр. из Лавр. (а не из "свода 1305 г."), т.е. одним из источников Тр. была Лавр. (рукопись 1377 г. или более поздние — но не более ранние! — списки)"[33].

Кроме того Г.М.Прохоров осуществил подсчет заимствований и обнаружил в "Повести" целый ряд "вкраплений" из предшествующего летописного текста (по подсчетам исследователя, текст содержит, по крайней мере, 33 "разновеликих вкрапления", мозаика из которых "составляет примерно треть объема повести")[34]. По мнению Г.М.Прохорова, обращение составителя статьи к предшествующему летописному материалу, отсутствие у него собственных деталей описания является еще одним свидетельством в пользу позднего происхождения текста. Необходимость существенной правки текста, произведенной в 1377 г., Г.М.Прохоров объясняет стремлением заказчиков Лаврентия — нижегородско-суздальского князя Дмитрия Константиновича и епископа Дионисия — "дать читателю исторические примеры мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами"[35]. Появление таких "примеров" в эпоху Куликовской битвы, по мнению Г.М.Прохорова, отражало объективную потребность времени "побороть уже почти стопятидесятилетний страх", поскольку "боящиеся не могли бы победить на Куликовом поле"[36].

Я.С.Лурье подверг обоснованной критике выводы Г.М.Прохорова о происхождении текста Повести в составе Лавр. Во-первых, исследователь усомнился в возможности того, что составители Лавр. "в спешке", как полагает Г.М.Прохоров, оставили без внимания события практически всего XIV в. (с 1305 по 1377 г.), а особенно, события, связанные с Нижегородско-Суздальским княжеством. Во-вторых, Я.С.Лурье, поставил под сомнение предложенную Г.М.Прохоровым схему взаимозависимости Тр.-Лавр.: "зависимость Тр. (и вслед за ней и почти всего общерусского летописания) от списка 1377 г. не может быть доказана только на основе кодикологического исследования Лаврентьевского списка и анализа рассказа 1237—1240 гг. Здесь необходимо развернутое текстологическое доказательство"[37]. Настаивая на совпадении текстов Лавр. и Тр., Я.С.Лурье вместе с тем не исключил позднего времени появления рассказа о нашествии Батыя[38]. По мнению исследователя, вероятнее всего, этот рассказ, имеющий двойственное — владимирское и ростовское происхождение — появился в период княжения Михаила

Ярославича Тверского в 1305 г., когда и был составлен летописный свод — протограф Лавр.-Тр.[39].

"Повесть о нашествии Батыя" в составе **Ипат.**, судя по всему, представляет собой свод вкраплений летописного текста, различающихся по времени и месту возникновения, а, следовательно, по степени полноты и точности передаваемой информации. С одной стороны, текст Ипат., судя по всему, передает впечатления южнорусского книжника[40]. С другой стороны, статья Ипат. подробно повествует о событиях, произошедших вдалеке от южной Руси — в землях русского Северо-Востока[41]. По мнению А.Ю.Бородихина, одним из источников рассказа Ипат. был т.н. "владимирский свод великого князя Ярослава Всеволодовича", к информации которого составитель Ипат. прибегнул еще до того, как владимирское летописание оказалось соединенным с ростовским[42].

А.Ю.Бородихин считает рассказ Ипат. "самой ранней из дошедших до нас редакций повествования о нашествии Батыя": по мнению исследователя, "поразительная осведомленность автора-составителя в деталях описываемых событий заставляет видеть в нем современника". На основании анализа упоминаемых в тексте Повести имен татарских воевод, а также находящейся там информации о смерти "Угетай-каана" А.Ю.Бородихин предлагает датировать произведение 1245—49 гг.[43]. Указанная датировка в принципе совпадает с датировкой текста "Летописца Даниила Галицкого" (в Ипат. за 1201—1250 гг.), предложенной А.Н.Ужанковым. Как установил А.Н.Ужанков, работа над указанной частью летописного свода была завершена в начале 1247 г.[44]

Таким образом, мы исходим из того, что все три ранних рассказа о нашествии Батыя появились в рамках летописных сводов самое позднее к началу XIV в.: если время создания "Повести" в составе Ипат. может быть довольно точно установлено (середина XIII в.), то относительно времени появления рассказов НПЛ и Лавр. единого мнения в науке не существует. Вероятнее всего, повествования о нашествии Батыя, дошедшие до нас в составе указанных летописей, действительно, не синхронны описываемым событиям — судя по всему, эти рассказы появились во второй половине XIII — начале XIV вв. Для целей нашего исследования считаем возможным ограничиться такой — достаточно примерной датировкой разбираемых текстов. Судя по всему, рассказы НПЛ и Лавр., действительно, отражают впечатления не современников событий, а их ближайших потомков. Последние, описывая события не по "горячим следам", а на некотором временном расстоянии, тем не менее, использовали более ранние свидетельства, одновременно комбинируя и переосмысливая их, наполняя рассказы своих предшественников собственным отношением к характеру и обстоятельствам произошедшего.

* * *

Восприятие монголо-татар новгородским летописцем традиционно оценивается как крайне негативное. Исследователи давно обратили внимание на резкую антитатарскую направленность рассказа НПЛ, подчеркивая, что новгородец, "не испытавший на себе кошмары нашествия", мог быть "более свободен в своих высказываниях", нежели книжники других русских земель[45]. Однако сама по себе констатация негативного отношения к захватчикам не позволяет реконструировать то, как воспринимал монголо-татар летописец: прежде всего следует указать на своеобразие оценок, данных татарам новгородским книжником, показать "оттенки негативности" данных им характеристик.

Судя по всему, монголо-татары воспринимались летописцем не просто в качестве врагов — захватчиков, разоривших русские города, но, главным образом, в качестве неотвратимого зла, зла, само происхождение, формы проявления и результаты которого лежат, так сказать, в "потусторонней" плоскости. Подобный подход к характеристике монголо-татар проявляется в целом ряде деталей их описания.

Уже в эпитетах, которые автор рассказа НПЛ присваивает захватчикам, проглядывается общий настрой летописца по отношению к монголо-татарам, та призма, при помощи которой он пытается разглядеть народ, смерчем пронесшийся по Руси. В тексте летописного рассказа неоднократно подчеркивается то, что ордынцы — "*иноплеменьници*, глаголемии Татарове". При этом специально и тоже неоднократно указывается на то, что эти "иноплеменьници" — "*погании*", "*безбожнии*", "*безаконьнии*", "*оканьнии*", на то, что они — "*кровопролитцы крестьяньскыя крови*", "безаконьнии *Измаильти*", "*оканьнии безбожници*" и т. п.[46]. Создается впечатление, что книжник ведет речь, в первую очередь, об иноплеменниках в принципе, вообще *об иноплеменниках, обладающих при этом набором заранее определенных качеств*. Этнические корни, верования, то, что принято называть "обычаи и нравы" захватчиков для него практически не имеют значения. Летописец не дает оценок конкретным действиям татар: он беспристрастен в описании ужасов татарского нашествия, он лишь констатирует произошедшие события, не давая им какого бы то ни было морально-нравственного комментария. То, что данные иноплеменники — татары, для книжника частный случай. Эти *иноплеменники действуют согласно общепринятому* стереотипу поведения — именно это принципиально важно для летописца, *именно этот стереотип он и отображает* на страницах своего рассказа. Стереотип их поведения для книжника обусловлен не набором их — татар — собственных (этнических, религиозных и иных) качеств, а той гаммой

присущих "иноплеменникам вообще" черт, которая, в свою очередь, продиктована ниспосланной им свыше миссией "карающего *меча*". Важно отметить, что используемые книжником в отношении татар эпитеты вполне перекликаются с эпитетами, которые используются в "Откровении" Мефодия Патарского по отношению к народам, в "последние времена" приходящим для *наказания* рода человеческого: у Мефодия эти народы — "*племя Измаилево*" — также называются "*беззаконными и погаными*"[47].

В случае с рассказом о событиях, записанных в НПЛ под 6746 г., можно говорить о *соответствии формы и содержания текста*. Рассказ новгородского летописца о монголо-татарском нашествии на Русь переполнен шаблонными характеристиками. При этом устойчивые литературные формулы органично сочетаются с оригинальными авторскими наблюдениями. Данная особенность заставляет видеть в использованных шаблонах не просто дань литературной моде того времени, но и совершенно осознанно выбранный автором способ передачи важной для читателя информации о происходящих событиях.

Рассказ о нашествии Батыя летописец начинает сообщением о численности "поганых": "... придоша иноплеменьници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множьства бещисла, акы прузи..."[48] Само по себе появление информации о численности покорившего Русь народа вполне естественно. Гораздо интереснее то, что летописец, не ограничиваясь указанием на "бесчисленность" татар, сравнивает их с саранчей. Пришествие же саранчи традиционно рассматривалось средневековым сознанием в качестве одной из "казней Господних"[49]. Однако упоминание саранчи в контексте "множества" имело, судя по всему, и иные параллели. "Прузи" также упоминаются в известном на Руси примерно с XII века Откровении Мефодия Патарского. В этом произведении именно *Измаильтяне* "на земли хождахоу" "*мнозы яко проузи*", пленяя "землю и грады"[50]. Учитывая, что для обозначения татар автор рассказа использует термин "измаильтяне", следует полагать, что сравнение множества "поганых" именно с саранчей имело неслучайный характер. Таким образом, во фразу "придоша ... множьства бещисла, акы прузи" автор заключает сразу несколько смысловых пластов. С одной стороны, в ней содержится указание относительно численности пришедших на Русь татар — их пришло несметное множество. С другой стороны, книжник указывает на функцию "поганых" — они пришли для наказания Руси, в качестве "кары Господней". И, наконец, уточнением "яко прузи" автор текста подводит читателя к необходимым параллелям между татарами и "нечистыми народами", в частности, измаильтянами, которые, согласно предсказанию Мефодия Патарского, должны покорить мир накануне "последних времен". Вероятно, автор рассказа о нашествии Батыя, в отличии от своего предшественника, описы-

вавшего битву на Калке, уже имел четкое представление о том, что татары — это и есть измаильтяне. Книжник не только не выносит на читательский суд свои сомнения по этому поводу (как это делал автор "Повести о битве на Калке" в редакции НПЛ)[50a]; из текста видно, что летописец вполне уверен в своих выводах относительно татар.

Именно в таком качестве — неотвратимого, заранее предсказанного наказания иноплеменники воспринимались и описывались книжником. По мнению летописца, татары пришли для наказания Руси согласно Божьей воле. Для усиления аргументации в пользу данного вывода новгородец (следует заметить, что, судя по всему, все "лирико-философские рассуждения принадлежат перу новгородца"[51]) активно использует текст статьи ПВЛ под 6576 (1068) г., в которой как раз и говорится о "казнях Божиих". Вся летописная статья, посвященная описанию монголо-татарского нашествия, как бы строится на параллелях с "Поучением о казнях Божиих": начало статей (фраза "придоша иноплеменники"), а особенно, их концовки практически совпадают. Более того, концовка статьи 6746 г. НПЛ представляет собой точно процитированный отрывок из рассказа ПВЛ. От слов "грехъ же ради нашихъ попусти Богъ поганыя на ны" и до слов "но мы на злое въвращаемся, акы свинья, валяющеся в кале греховнемь присно, и тако пребываемъ" следует цитата из начальной части "Поучения", а заключительная фраза статьи НПЛ "да сего ради казни приемлемъ всякыя от Бога, и нахожение ратныхъ; по Божию повелению, грехъ ради нашихъ казнь приемлемъ" является также заключительной и для рассказа ПВЛ[52].

Вряд ли возможно согласиться с точкой зрения В.А.Кучкина, полагающего, что указанные совпадения в текстах НПЛ и ПВЛ "представляют значительный интерес для суждений об источниках новгородского свода 30-х годов XIV в. или его протографов, но не для суждений о том, *как понимал и оценивал иноземное иго новгородский летописец*" (курсив мой. — В.Р.)[53]. По мнению исследователя, "детальный анализ цитаты вскрывает уже не мысли людей XIII–XIV вв., а идеи XI столетия"[54]. Однако уже сам факт использования "идей XI столетия" для описания, а, самое главное, для оценки произошедшего в XIII в. свидетельствует о схожести самих событий и о схожести данных этим событиям оценок. Кроме того, как показывает исследование, пафос процитированного отрывка из "Поучений о казнях Божиих" являлся вполне актуальным для литературы XIII–XIV вв. Идеи о том, что приход "иноплеменников" является напоминанием Господа о необходимости исправления всем вставшим на путь греха народам; рассказ о всевозможных казнях, которые Бог насылает на погрязшие в грехах земли ("земли же сгрешивши которои, любо казнить Богъ смертью или гладомь или наведениемъ поганыхъ или ведромь или дъждемъ силнымь или

казньми инеми"); констатация малоутешительного наблюдения, что, несмотря на многочисленные наказания, люди все-таки не прекращают своих греховных дел ("но мы на злое въвращаемся, акы свинья, валяющеся в кале греховнемь присно, и тако пребываемъ") — все это находит отражение в целом ряде сочинений, синхронных рассказу НПЛ, главное место среди которых занимают "Поучения" Серапиона Владимирского[55].

Для усиления темы "казней Божиих" летописец (кстати, в оригинальной части своего текста) активно прибегал к образам уже упоминаемого нами "Откровения" Мефодия Патарского. В "Откровении" "пришествие" измаильтян также называется "*казнью безмилостивой*"; по мнению Мефодия, от них — "безбожных поган" — "вси живущие на земле *казнь приимуть*"[56]. Видимо, поэтому среди прочих атрибутов измаильтян татарам в описании автора рассказа НПЛ присуще стремление к "*поруганию*" "черниц и попадей и добрых жен и девиц пред матерьми и сестрами"[57], действие с помощью "*огня*" и "*меча*": татары избивают "овых *огнемъ*, а иныхъ *мечемъ*", в результате взятия городов люди "уже *огнемь* кончеваются, а инии *мечемь*" и т.д.[58] Кстати, сравнение действий "поганых" с "мечем карающим" довольно характерно для литературы, посвященной эсхатологической тематике. Из синхронных НПЛ произведений, в которых по отношению к татарам употреблено сравнение с "мечем", следует назвать "Слова" Серапиона Владимирского ("Моисееви что рече Богъ: "Аще злобою озлобите вдовицю и сироту, взопьют ко мне, слухом услышю вопль их, и разгневаюся яростью, погублю вы *мечем*." И ныне збысться о нас реченое: не от *меча* ли падохомъ? не единою ли, ни двожды?"[59]; "святители *мечю* во ядь быша"[60]), а также "Правило Кюрила" (ср.: "не падоша ли силнии наши князи остриемь *меча*? не поведени ли быша в плен чада наша? не запоустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всякъ день от безбожныхъ и нечистыхъ поганъ?"[61]). Еще более явные параллели с "мечем карающим" прослеживаются в текстах Священного Писания, а также в предсказательной литературе: "и вы падете от *меча*, потому что вы отступили от Господа, и не будет с вами Господа"; "и воевали сыны Иудины против Иерусалима, и взяли его *мечем*, и город предали *огню*"; "спешите ..., чтоб не застиг и не захватил нас, и не навел на нас беды, и не истребил города наши *мечем*"; "если придет на нас бедствие: *меч* наказующий, или язва, или голод..."; "и он навел на них царя Халдейского, и тот умертвил юношей их *мечем* в доме святыни их, и не пощадил *ни юноши, ни девицы, ни старца седовласого*, все предал Бог в руку его"; "и за беззакония наши преданы были мы, цари наши, священники наши, в руки царей иноземных, под *меч*, в плен и на разграбление и на посрамление"; "убойтесь *меча*, ибо *меч* есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд"[62] (ср: "падоуть *мьчемь* вси боляре

силны..."; "и предана боудеть земля Ферьска вь тлю и пагоубоу и живоущи на неи *пленениемь* и *мьчемь* погыбноуть"[63]) и т.д.

Татары в рассказе новгородца действуют крайне успешно. Все, что они затевают, им удается. Видимо, поэтому рассказ летописца о военных удачах монголо-татар довольно монотонен; он просто перечисляет этапы движения татар к поставленным целям. Характерно описание осады Рязани и синхронных этому событий. "Иноплеменници погании *оступиша* Рязань и острогомъ *оградиша*", после чего они сражаются с рязанским князем Романом вне стен города ("*оступиша* ихъ татарове у Коломны, и *бишася* крепко, и *прогониша* ихъ к надолобомъ, и ту *убиша* князя Романа"), вслед за этим "татарове *взяша* град (Москву)", "*избиша*" москвичей, после чего, "*вземшемъ* Рязань", "*поидоша* къ Володимирю"[64]. Победы татары происходят как бы сами собой, без каких бы то ни было усилий с их стороны. Та же ситуация наблюдается и в описании дальнейших событий, связанных теперь уже с осадой Владимира: татары "*приближишася* къ граду, и *оступиша* градъ силою, и *отыниша* тыномъ всь". "Заутрие" город оказывается уже взят (это *замечают* (!) князь Всеволод и владыка Митрофан, оставшиеся во Владимире) и разграблен. Татары поразительно, сверхъестественно удачливы и в борьбе с русскими за пределами городов. Бежавший из Владимира великий князь Юрий Всеволодович просто не успевает "ничтоже" противопоставить "внезапу приспевшим" татарам и погибает "на реце Сити".

Представляется, что книжник неслучайно так однообразен в описании побед "поганых". Связано это, вероятно, даже не столько с их реальными успехами, которые, конечно, были велики, сколько с авторским представлением о том, каким способом монголо-татары достигали своих побед. "Окаянные безбожники" татары, в восприятии летописца, не могли поступать иначе, они не могли действовать против русских с какими-либо затруднениями — это, судя по всему, просто бы не соответствовало стереотипу должного для них поведения. Для летописца военные удачи татар связывались с тем, что татары действовали в качестве орудия Божьей кары, и, следовательно, с принципиальной невозможностью русских противостоять "промыслу Господнему", карающему "за грехи" Русь. Для новгородского книжника очевидно и он неоднократно подчеркивает мысль о том, что невозможно противиться Божьему гневу. Татары, действующие в качестве орудия этого гнева, не встречают никакого сопротивления со стороны русских. Люди, оказавшиеся в "недоумении и страсе", естественно, не могли оказывать сопротивления захватчикам. Объяснение причин "недоумения", приведшего к невозможности русских противостоять захватчикам, дал сам летописец в самом начале рассказа о нашествии Батыя. "Но уже бяше *Божию гневу не противитися*, — писал книжник, — яко речено

бысть древле Исусу Наугину Богомь; егда веде я на землю обетовану, тогда рече: азъ послю на ня преже васъ недоумение, и грозу, и страхъ, и трепетъ. *Такоже и преже сихъ отъя Господь у насъ силу*, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грехы наша"[65]. Подобное "недоумение" проявилось в поведении многих персонажей летописного повествования.

Великий князь Юрий Всеволодович, "не послуша князии рязанскыхъ молбы", на брань с татарами не пошел, будто бы "самъ хоте особь брань створити". Однако, как только "поганые" подступили к Владимиру, великий князь *"бежа"* из города "на Ярославль", оставив в осажденном городе сына Всеволода, жену, владыку Митрофана, безоружных горожан. Из текста летописи следует, что татары "погнашася" за великим князем "на Ярославль". Однако Юрий стал ставить полки лишь после того, как получил известие о приближении "безбожных". Летописец был далек от того, чтобы рисовать картину героического сопротивления великого князя захватчикам: "внезапу татарове приспеша, князь же *не успевъ ничтоже, побеже*, и бы на реце Сити, и *постигоша и*, и живот свои сконча ту"[66].

Полную растерянность перед лицом захватчиков проявили и жители стольного Владимира, а вместе с ними и сын великого князя — Всеволод. Всеволод остается практически безучастным к событиям: о нем летописец сообщает, что князь "затворился" в городе, а утром уже *"увиде"*, что город взят. Дальнейшие действия князя таковы: вместе с другими он принимает постриг ("истригошася вси въ образъ, таже в скиму") и, увидев, что город подожжен и "людье уже огнемь кончеваются", "вбегоша въ святую Богородицю и затворишася в полате", после чего "скончашася, предавше душа своя Господеви". Наряду с владимирцами в "недоумении и страсе" перед лицом окруживших город татар оказываются и жители Торжка[67].

Вряд ли следует искать в тексте новгородца каких-либо "политических" объяснений произошедшего среди русских "недоумения". Летописец не искал собственно "политической" подоплеки случившегося. Для средневекового книжника, видимо, не существовало более глубоких и всеобъемлющих обоснований постигших Русь несчастий, помимо греховности своих соплеменников. В этой связи нельзя согласиться с мнением И.У.Будовница о том, что, "отдавая должное общепринятой церковной формуле о Божиих казнях, среди которых не последнее место занимает нашествие иноплеменников, новгородский летописец в то же время значительную долю вины за бедствия, постигшие Русскую землю, возлагает на политические нестроения, на "недоумения" князей"[68]. Если в тексте и содержится намек на "недоумение князей", междоусобные конфликты и прочие процессы, могущие получить в современном лексиконе названия политических, трудно представить, что они воспринимались книжником иначе, чем проявлениями все той же греховности русских. Именно в

этом контексте следует интерпретировать столь часто цитируемую в литературе фразу летописца о том, что "мы въздыхаемъ день и нощь, пекущеся о *имении* и о *ненависти* братьи"[69]. Даже, если летописец под "ненавистью братьи" подразумевал межкняжеские усобицы и конфликты, подобное поведение князей не могло выходить за рамки греховного поведения, не являлось событием, выходящим из ряда недолжных поступков. Между тем, указанная фраза может относиться не столько к межкняжеским отношениям, сколько к нравам, царившим в русском обществе вообще и среди церковников ("*братьи*"), в частности. На наш взгляд, за указанной фразой не следует искать печали книжника о погибшем в результате нашествия имуществе ("имении") и о братоненавистничестве князей. Вероятно, в тексте речь идет все-таки о сопоставимых, в данном случае, морально-нравственных величинах[70]. Стремление к стяжательству (к "имению"[71]) и "ненависть", проявлявшиеся в отношениях между людьми (не столь уж важно — мирянами или клиром) — вот те стороны греховного поведения, о которых сокрушается книжник. Именно эти людские пороки, наряду с другими, о которых книжник напрямую не говорит, но перечень которых вполне традиционен, и являются причинами "кар Господних", обрушившихся на Русь в виде нашествия "иноплеменников".

Летописец пишет о *страхе*, который охватил русских. Однако этот страх был вызван отнюдь не столько татарами, сколько тем, что знаменовало их приход. "И кто, братье, о семь не *поплачется*...",— вопрошает книжник, — "да и мы то видевше, *устрашилися* быхомъ...", — пишет он, и далее объясняет причины страха,— "... *грехов своихъ* плакалися с въздыханиемь день и нощь". Таким образом, "страхъ и трепетъ" являются не только посланными на русских "от Бога" напастями, но и характеристикой того внутреннего состояния, которое было присуще современникам трагических для Руси событий. Осознанная *вдруг* греховность, *греховность, факт которой стал очевиден, благодаря ниспосланным Господом казням* — вот внутренняя причина того "недоумения", которое приводит к невозможности противостоять "поганым".

Рассказ **Лавр.** о событиях, связанных с нашествием Батыя, представляет собой сложную мозаику, состоящую из многочисленных вкраплений различного по происхождению и времени появления материала[72]. Кроме того текст повести содержит значительное количество заимствований из предшествующего летописного массива[73], дополняющих или раскрывающих смысл оригинальных частей рассказа о нашествии. В силу указанных особенностей реконструкция представлений авторов отдельных отрывков относительно феномена монголо-татарского нашествия представляется крайне затруднительной. Скорее всего речь должна идти о реконструкции того, каким обра-

зом воспринимались монголо-татары редактором-составителем той летописной мозаики, которая дошла до нас в составе Лавр.

По справедливому замечанию новейшего исследователя цикла повестей о нашествии Батыя А.Ю.Бородихина, рассказ Лавр. является "самым литературным"[74]. Кроме того будучи самой поздней (по сравнению с рассказами Ипат. и НПЛ), повесть в редакции Лавр., вобрав в себя информацию и оценки более ранних источников, явилась результатом более тщательных и вместе с тем более конъюнктурных размышлений о сущности произошедших несчастий и о характере пленившего Русь народа.

Составитель рассказа Лавр. вполне традиционен в восприятии нашествия в качестве наказания Господня "за грехи" русских людей. Вместе с тем, практически все замечания книжника по указанному поводу осуществлялись им при помощи литературных заимствований[75]. Судя по всему, вставка цитат в текст летописного рассказа произошла не позже 1305 г. Несмотря на вставной характер, рассуждения летописца относительно греховности Руси как причине нашествия вряд ли следует считать лишь данью сложившейся в тот период литературной "моде". В этих цитатах, по мнению В.А.Кучкина, "получила свое отражение точка зрения владимирского сводчика, расценивавшего монголо-татарское иго как тяжелое наказание, ниспосланное свыше за согрешения Руси"[76]. Неслучайно цитаты, к помощи которых прибегает составитель Лавр., довольно органично входят в общую канву повествования. Так, например, в описание осады Владимира книжник, цитируя рассказ ПВЛ о набеге половцев под 1093 г.[77], включает объяснение причин и значения произошедшего несчастья: "*грех ради наших и неправды, за оумноженье беззаконии наших* попусти Богъ поганыа, не акы милуя ихъ, но *нас кажа*, да быхомъ всягнулися от злыхъ делъ; и сими казньми *казнить нас Богъ нахоженьем поганых*. Се бе ес(ть) *батогъ его*, да негли встягнувшеся от пути своего злаго, сего ради в праздникы нам наводить Богъ сетованье, яко пророкъ глаголаше: преложю праздникы ваша в плачь и песни ваша в рыданье"[78].

Идея о том, что нашествие татар является не милостью Божией по отношению к "поганым", а наказанием за грехи русских ("попусти Богъ поганыа, *не акы милуя ихъ, но нас кажа*"), находит перекличку с известным пассажем из "Откровения" Мефодия Патарского. Комментируя описанную им картину нашествия измаильтян, Мефодий, ссылаясь на текст из Священного Писания, пишет: "Рече бо Богъ Израилю: "видиши, *не любе те въвожду на землю обещания, но грехъ деля живущихъ на неи*". *Такоже и сыномъ Измаилевомъ, не любе даеть имъ силоу, да преимуть землю христианьску, нь грехомъ деля беззакониа ихь тако имь творить*"[79].

Составитель Лавр. не останавливается на констатации факта "казней Господних", постигших Русь. Под его пером ситуация приобретает еще более драматический характер. Усиление драматизации повествования достигается за счет проведения в рассказе достаточно явных, по крайней мере, для средневекового читателя, аналогий между происходящими вокруг событиями и эсхатологическими предзнаменованиями. Напряженно вглядывающийся в реальность в поисках "знамений" "последних времен" средневековый читатель не мог оставить без внимания столь близкие параллели.

Для нагнетания "эсхатологических тонов" в описание произошедшего на Руси несчастья книжник использует различные, довольно оригинальные приемы. Так, средневековый писатель с помощью ряда точных цитат из предшествующего летописного текста сравнивает татар с народами, являющимися накануне Страшного Суда. Среди прочих цитат наиболее показательным является использованное при описании татарских разорений рязанской земли заимствование из рассказа ПВЛ под 6449 (941) г., в котором повествуется о приходе под стены Константинополя князя Игоря с дружиной. Д.С.Лихачев, возражая против предположения В.Л.Комаровича, полагавшего на основе сопоставления Лавр. и НПЛ, что в начальной части рассказа Лавр. о нашествии Батыя содержатся отголоски оригинального рязанского летописания, пишет, что "некоторое отдаленное сходство рассказа Лавр. о нашествии на Рязань и НПЛ решительно разбивается о то до сих пор незамеченное обстоятельство, что в основной своей части это сообщение повторяет слова и выражения ПВЛ о мучениях, которым русские подвергали греческое население по обе стороны пролива Суд в 941 г. Рассказ Лавр. летописи 1237 г., — подчеркивает Д.С.Лихачев, — *настолько близок к ее же раскаэу 941 г., что даже сохраняет детали, имеющие реальное значение лишь для 941 г.*"(курсив мой. — В.Р.)[80]. Действительно, рассказы о поведении напавших на "Царьград" язычников-русских и наступающих на рязанские земли татар практически идентичны (ср.: "*почаша воевати* Вифиньскиа страны, и воеваху по Понту до Ираклиа и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую *попленивше*, и Судъ *весь пожьгоша*; *их же емше, овехъ растинаху, другая* аки странь поставляюще и *стреляху въ ня*, изимахуть, *опаки руце съвязывахуть*, гвозди железныи посреди главы въбивахуть имъ. *Много же святыхъ церквий огневи предаша, манастыре и села пожгоша, и именья немало от обою страну взяша...*"[81] и "безбожнии татарии... *почаша воевати* Рязаньскую землю, и плвноваху и до Проньска, *попленивше* Рязань *весь*, и *пожгоша*, и князя их убиша. *Их же емше, овы растинахуть, другыя же стрелами растреляху в ня, а инии опакы руце связывахуть. Много же святых церкви огневи предаша, и манастыре, и села пожгоша, именья не мало обою страну взяша...*"[82]). По мнению А.Н.Весе-

ловского, процитированный выше отрывок из летописной статьи 6449 (941) г. отразил общий источник ПВЛ и "Жития Василия Нового"[83]. "Житие Василия Нового", также, как и "Откровение" Мефодия Патарского, было посвященно, в том числе, и описанию картин "последних времен" и "принадлежало к числу весьма популярных памятников" эсхатологического характера[84]. Как показал С.Г.Вилинский, рассказ ПВЛ и "Житие", вопреки предположению А.Н.Веселовского, не имели общего источника, наоборот, автор летописной статьи воспользовался одной из редакций "Жития св. Василия": "совпадение не буквальное, — писал исследователь, — но, заимствуя определенные места текста "Жития", летописный рассказ повторяет эти отдельные места буквально"[85]. Указанная — хоть и опосредованная — близость рассказа Лавр. о татарах с описанием народов, появляющимися в "последние времена", позволяет сделать вывод о том, что ордынцы как раз и воспринимались летописцем как "нечистые человеки", приход которых олицетворял собой канун Страшного Суда[86].

Кроме того, эсхатологическая тема в рассказе Лавр. развивается за счет введения в текст повествования не соответствующей действительности, "нереальной" временной информации. Подобной прием, судя по всему, досточно часто использовался средневековыми книжниками[87]. Время, будучи объективной категорией существования человечества в окружающем мире, в разные эпохи воспринималось поразному[88]. В средние века существовало особое отношение ко времени[89]: "средневековье было безразлично ко времени в нашем, историческом его понимании, но оно имело свои специфические формы его переживания и осмысления"[90]. По мнению Жака Ле Гоффа, средневековая хронология "не определялась протяженностью времени, которое делится на равные отрезки и может быть *точно* (курсив наш. — В.Р.) измерено... Она имела знаковый характер... Средневековые люди доводили до крайности аллегорическое толкование содержавшихся в Библии более или менее символических дат и сроков творения"[91]. Таким образом, средневековье "датировало события по другим правилам и с другими целями". Вероятно, лишь даты, *знаменующие* что-либо, могли привлечь внимание средневекового человека, и, наоборот, датировки – определения места события во времени – могли быть использованы, по всей видимости, во многом лишь по отношению к действительно *значащим* событиям. (Тем более, "в процессе художественного познания мира", где средневековье вырабатывало "свои, автономные категории времени и пространства", которые, в свою очередь, обусловливались "скорее особыми *художественными задачами* (курсив мой. — В.Р.), возникавшими перед писателями, поэтами, живописцами"[92]). Нашествие на Русь полчищ Батыя, несомненно, являлось подобным — "значащим" — событием для летописца. Как показал А.Ю.Бородихин, составитель рассказа

Лавр. сознательно расширил датировку взятия татарами Владимира: вместо имевшегося в НПЛ хронологического указания "в пяток преже мясопустные недели"[93] он ввел в свой рассказ указание на то, что это событие произошло "в неделю мясопустную"[94]. В указанной подмене хронологических указаний, по мнению исследователя, проявился провиденциализм древнерусского книжника: "представление о Божьей каре, постигшей владимирскую Русь, могло оказать влияние и на выбор дня, в который свершилось "наказание". Обратив внимание на то, что "неделя мясопустная имеет в православии еще название *недели о Страшном Суде*" (курсив мой. — В.Р.)[95], исследователь посчитал "неслучайным стремление составителя Лавр. соединить в сознании читателей эти два события: Страшный Суд и "наказание Божие" земле Русской нашествием татар"[96].

Вместе с тем в оценки случившегося составитель Лавр. привносит некоторые новые черты. В его рассказе татары выступают не просто слепыми орудиями Божьего гнева, каковыми они являются, скажем, в рассказе НПЛ, но и силой, обладающей некоторыми "самостоятельными" — всегда негативными — чертами. "*Безбожные*", "*окаянные, злые кровопийцы*", "*поганые иноплеменники*", "*проклятые безбожники*", "*плотоядцы*", "*глухое царство оскверненное*" — вот эпитеты, которыми награждает монголо-татар летописец. Книжник не останавливается на простом "перечислении" негативных сторон "поганых". Он стремится хотя бы частично раскрыть, проиллюстрировать перечисленные им качества татар "примерами" их конкретных действий. Так, в ответ на дерзкие речи захваченного в плен Василька Константиновича "плотоядцы"-татары "*въскрежташа зубы на нь, желающе насытитися крове его*"[97]. Тем самым составитель рассказа как бы дает подтверждение "кровопийству" "безбожных". Неоднократно летописец указывает на то, что татары не просто побеждают русских, но и всюду сеют "*зло*", "яко же не было от крещенья, яко же бысть ныне"[98], что эти "безбожнии со *лживым* миром живуще, *велику пакость* землям творять, еже и зде *многа зла* створиша"[99].

Одна из важнейших и оригинальных характеристик монголо-татар в рассказе Лавр. — это их борьба с православной верой. Так при штурме Москвы татары убивают воеводу Филиппа Нянка "за правоверную христианскую веру"[100], за нее же собираются постоять и оставленные во Владимире братья-князья Всеволод и Мстислав[101]; великий князь Юрий Всеволодович, узнав о трагедии стольного Владимира и гибели своих родственников, горюет "по правоверней вере христианьстей"[102]; схваченного в плен ростовского князя Василька Константиновича "проклятии безбожнии Татарове" безуспешно, но "много" "нудиша" быть в "обычае поганьском" и "воевати с ними", пытаясь, по словам князя, "отвести" его от христианской веры[103] и т.д. Важно и то, что мученическая гибель самого

князя Василька сравнивается с гибелью апостола Андрея Первозванного, также принявшего смерть "за веру"[104]. Представляется, что появление "антиправославия" как одной из характеристик "безбожных" следует относить к элементам более позднего восприятия монголо-татар: вероятно, приписываемое татарам "антиправославие" явилось результатом размышлений не столько современников описываемых событий, сколько его ближайшего потомка — составителя повести, дошедшей в составе Лавр.

Еще одна важная характеристика монголо-татар, судя по всему, также принадлежит перу составителя Лавр. Захватив в плен Василька Константиновича, татары пытаются заставить его перейти в "обычай поганьский" и "воевати (вместе) с ними". Однако, "не покорившись их беззаконию", князь, обращаясь к ордынцам, вопрошает их о том, каким образом те, совершив столь многочисленные злодеяния, собираются держать ответ перед Господом: "*Богу же какъ ответъ дасте?* ему же многы душа погубили есте бес правды, их же ради мучити вы имат Богъ въ бесконечныя векы, и стяжет бо Господь душе те, их же есть погубили". Таким образом, по мнению "блаженного мученика" князя Василька, татары должны нести ответственность перед Богом за совершенные преступления и, более того, по воле Господа подвергнуться вечным мучениям за неправедно погубленные души. Это, несомненно, новый аспект восприятия татар: под пером составителя Лавр. они из пассивного орудия Господнего гнева превращаются в субъектов, не только наделенных личными негативными качествами, но несущими ответственность перед Богом за совершенные злодейства.

Несмотря на то, что сложный, составной характер рассказа Лавр. никогда не ставился исследователями под сомнение, отношение редактора-составителя к описываемым событиям чаще всего оценивалось ими как нечто единое, цельное, четко сформулированное. Однако переплетение (причем достаточно заметное — с явными следами "стыков") текстуальных отрывков вызывало и переплетение смысловых линий, наложение концептуальных подходов[105].

В науке дискуссионным является вопрос о характере отношения редактора рассказа Лавр. к противостоянию с "погаными". В одних случаях средневековому книжнику приписывалась позиция "смирения перед татарами", в других — в его сочинение "вкладывался" своеобразный "призыв к борьбе" с завоевателями. Так, по мнению одних исследователей, рассказ Лавр. был "проникнут настроениями неотвратимости злой судьбы и Божьей воли", через повествование красной нитью проходила идея о невозможности и бесполезности сопротивления татарам[106]. Другие исследователи полагают, что, наоборот, составление рассказа Лавр. было приурочено к тому или иному этапу борьбы с ордынцами, а, следовательно, носило ярко выраженный

антитатарский характер, ставило целью запечатлеть "картины крестоносной борьбы сплоченных церковью русских князей против татар"[107]. На наш взгляд, последняя точка зрения представляется малоубедительной: главный изъян изложенной выше идеи заключается в ее полном отрыве от контекста повести.

В действительности, проблему, связанную с возможностью сопротивления ордынцам, книжник пытается решить в рамках все той же — традиционной для его времени — концепции нашествия как наказания "за грехи наши". В целом, решение указанной проблемы для составителя рассказа Лавр. очевидно: сопротивление Господнему гневу в принципе греховно, а потому — обречено на поражение. Именно с этих позиций выступают защитники стольного Владимира и, в первую очередь, оставленные в городе сыновья великого князя.

Описание осады Владимира предваряется сообщением о том, что владимирский князь Юрий Всеволодович, "выеха из Володимеря в мале дружине ... и еха на Волъгу ... и ста на Сите станом ... и нача ... совокупляти вое противу татаром", в стольном Владимире "оурядивъ сыны своя в собе место Всеволода и Мьстислава". Помимо оставленных великим князем сыновей, обороной города руководил воевода Петр Ослядюкович. В момент, когда татары подошли к Владимиру, "володимерци затворишася в граде ... и не отворящимся". Подлиный драматизм повествованию придает упоминание о том, что "безбожнии" "водили с собой" родного брата Всеволода и Мстислава — ранее захваченного ими в плен Владимира Юрьевича: татары "приехаша близь къ воротомъ и начаша ... молвити: знаете ли княжича вашего Володимера?" Всеволод же и Мстислав, пишет летописец, "познаста брата своего, ... плакахуся, зряще Володимера", и "сжалистаси брата своего деля ... и рекоста дружине своеи и Петру воеводе: братья, *луче ны есть оумрети* перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру х(рист)ьяньскую. *И не да воли ихъ быти* Петръ Ослядюковичь".

Книжник рисует перед нами картину полного смирения князей Всеволода и Мстислава, чей дух сломлен даже не столько видом плененного брата ("бе бо уныль лицем" — пишет о нем летописец), сколько самой безысходностью ситуации: "и рекоста оба князи: *си вся наведе на ны Богъ грех ради нашихъ*, яко же пророкъ глаголеть: *несть человеку* мудрости, ни е(сть) мужства, ни ес(ть) думы *противу Господеви. Яко Господеви годе быс(ть), тако и быс(ть), буди имя Господне благославено в векы*"[108].

Характеризуемое как "батог Божий", насылаемый "*грех ради и неправды*", "*за оумноженье безаконии*", нашествие "поганых" воспринималось книжником (а вместе с ним и братьями-князьями) как нечто неотвратимое, как нечто, ниспосланное на Русь "во исправление". И, действительно, воля Господня исполняется: татары вскоре,

не встретив особого сопротивления, все равно берут город. Всеволод и Мстислав, а, глядя на князей, и большинство горожан, действуют согласно своим представлениям о том, как нужно себя вести в подобной ситуации: "*бежа* Всеволод и Мстислав, и вси людье *бежаша* в Печерний город"[109]. Другая часть горожан ("епископъ Митрофанъ и княгини Юрьева съ дчерью и с снохами и со внучаты и прочие княгини Володимеряа с детми, множства *много* бояръ и *всего народа* людии") "затворишася в церкови святыя Богородица и тако огнемъ без милости запалени быша" или же погибла под ударами ворвавшимися в церковь татар[110].

Книжником нарисована картина полного отказа от какого бы то ни было сопротивления. Характерно то, что именно князья — потенциальные руководители обороны — первыми отказываются от сопротивления, готовые или на жертвенную смерть, или смиренное — в молитве — ожидание гибели, или бегство, но никак не на защиту стольного града от "поганых". Так же настроены и рядовые защитники — максимум, что под силу жителям гибнущего города — вознесение молитвы к Господу.

Владимир подвергается разорению, гибнут церкви и монастыри, татары не щадят никого "*от оуного и до старца и сущаго младенца*". Лишь один человек в летописном рассказе о взятии Владимира не согласен с идеей жертвенной смерти — это уже упомянутый воевода Петр Ослядюкович. Однако его стремление удержать князей от пассивной гибели, от добровольной жертвы "за святую Богородицю и за правоверную веру х(рист)ьяньскую" оказывается напрасным. Это стремление противоречит изначальной "воле" Всеволода и Мстислава, стремившихся мученически погибнуть, склонившись под "батог Господень", и тем самым искупить "грехи", за которые и постигла их (вместе со всеми остальными) "кара Божия". Петр Ослядюкович оказывается единственным из жителей города, не принявшим (не понявшим?!) идеи, которой проникли все — "несть человеку мудрости, ни е(сть) мужства, ни ес(ть) думы противу Господеви. Яко Господеви годе быс(ть), тако и быс(ть)".

Вместе с тем в рассказе Лавр. присутствуют некоторые намеки на возможность сопротивления "поганым". Правда, следует сразу оговориться, что рассуждения на эту тему крайне непоследовательны и больше похожи на какие-то обмолвки летописца, нежели на проявления выстраданной им позиции. Так, одним из немногих "сопротивляющихся" персонажей оказывается великий князь Юрий Всеволодович. Действительно, оставляя во Владимире своих сыновей, великий князь, вопреки рассказу НПЛ, *не бежит*, а начинает "*совокупляти вое противу Татаром*"[111]. В момент приближения татар Юрий в общем-то готов к борьбе. После ряда молитв, в которых князь сетует о гибели оставленных им во Владимире родственников и просит Господа избавить его "от всех гонящих", Юрий

"поидоша *противу поганым* и сступишася обои, и быс сеча зла, и *побегоша* наши пред иноплеменникы, и ту оубьенъ быс князь Юрьи ..."[112]. Летописец даже намекает на то, что борьба с "безбожными" для Юрия являлась не просто способом защиты, но и проявлением христианской добродетели. В панегирике князю, помещенном в конце летописного рассказа, книжник сообщает чрезвычайно интересную деталь: оказывается, накануне нашествия татары отправляли к Юрию послов с предложением о мире ("рекуще: мирися с нами"). Юрий же "того не хотяше, яко пророкъ глаголет: *брань славна луче ес мира студна*"; поскольку, замечает далее летописец, "си бо безбожнии со лживым миром живуще, велику пакость землям творять, еже и зде многа зла створиша"[113]. Однако предшествующей фразой летописец как бы дезавуирует сообщение о "Георгие мужестве". Оказывается, стремясь исполнять божественные заповеди ("се бо чюдныи князь Юрьи потщася Божыа заповеди хранити и Божии страх имея в сердци, поминая слово Господне, еже реч: ... *не токмо же друга, но и врагы ваше любите*, и добро творити ненавидящим вас, всякъ зломыслъ его"), Юрий "преж мененых" послов "безбожных татар отпущаше одареными"[114]. Тем самым поступки Юрия оказываются не совсем понятными: если он отказался от мира с татарами, то почему их послы уходят от него с дарами, если же князь одарил послов и заключил-таки мир с "погаными", как это могло сочетаться с идеей о бране, которая "лучше позорного мира"? Вообще, Юрий, в представлении составителя рассказа Лавр., скорее персонаж, олицетворяющий собой смирение, нежели борьбу. Неслучайно, в тексте повести в уста самого Юрия вкладывается фраза о том, что он (Юрий) — "новыи Иовъ быс терпением и верою". В результате получившегося "наслоения" добродетелей Юрия летописец не смог до конца выстроить образ князя-воина, образ князя-защитника. Видимо, именно "новый Иов", а не "князь-защитник" являлся "идеалом человека в понимании автора Лавр."[115]. Таким образом, поиск в поступках Юрия некоего примера борьбы с монголо-татарами не приносит более или менее удовлетворительных результатов.

Скорее всего, описание — довольно размытое — неудавшегося воинского подвига великого князя, а также восхваление его воинственного духа явились результатом более поздних (но произошедших до 1305 г.) вставок. Вероятно, цель подобных сюжетов — та или иная реабилитация Юрия Всеволодовича в глазах потомков. По крайней мере, наличие рассказа НПЛ, в котором великий князь предстает в глазах потомков — современников составителя Лавр. — явно в незавидном свете, а следовательно, необходимость некоторого дезавуирования нарисованной новгородцем картины, желание прославить трагически погибшего Юрия и при этом довольно неуверенный тон составителя рассказа Лавр., взявшегося за этот явно неблаго-

дарный труд — все это позволяет предположить, что сопротивление татарам мыслилась книжнику довольно туманным, а, самое главное, обреченным на неудачу делом. Действительно, и Петр Ослядюкович, и Юрий Всеволодович — фигуры довольно активные, но, несмотря на это, и их чревычайно робкие потуги на сопротивление оканчиваются провалом. В их распоряжении — лишь возможность погибнуть в бою, но и это их стремление оказывается исключением из правил: подавляющее большинство персонажей повести стремиться к иному исходу, к иному концу; подавляющее большинство предпочитает гибель от рук "поганых" какому-либо противостоянию с захватчиками.

Часто повторяемый мотив "гибели за православную веру" находит параллель с более широкими представлениями автора о сущности происходящего. Дело в том, что помимо рассказа о нашествии как каре Господней, составитель Лавр. уделяет огромное внимание проблеме не менее важной для средневекового читателя — проблеме спасения человека в условиях разящего "батога Божьего". По справедливому замечанию Я.С.Лурье, "едва ли можно говорить об "активной антитатарской тенденции" рассказа 1237–1240 гг.; основная его тема — отчаяние, "страх и трепет" и покорность перед Божьими казнями и "напастями", *дающими право "внити в царство небесное"* (курсив мой. — В.Р.)[116].

Проблема спасения человека в условиях развернувшихся на его глазах "казнях Божиих", действительно, важна для средневекового книжника. В известном смысле поиск возможных путей решения данной проблемы и являлся одной из важнейших целей художественного осмысления действительности составителем повести. Составитель рассказа о нашествии в редакции Лавр. дает свою собственную "концепцию" спасения.

По мнению книжника, путь к спасению лежит через мученичество во имя веры, через жертвенность. Путь жертвенности избирают сыновья великого князя — Всеволод и Мстислав, безропотно подчиняющие свою судьбу воле Господней ("яко Господеви годе быс, тако и быс"), этот же путь избирает растерзанный татарами Василько (о нем книжник сообщает, что князь "кровью мученической омывься прегрешении своих"[117]). О мученической гибели и жертвенности как способах спасения рассуждает книжник в своих "философских отступлениях". По мнению летописца, кара за грехи настолько тяжела, что уже одно это дает "гарантии" спасения, вечную жизнь людям: "се нам сущюю радость скорбь, да и не хотяще всякъ в будущий векъ обрящем милость. *Душа бо сде казнима всяко в будущий суд милость обрящет и лгыню от мукы*"[118]. Средневековый книжник глубоко убежден, что "царство небесное", спасение человека на Страшном Суде не просто так даруется человеку милостивым Богом. "Богъ

бо, — полагает он, — казнить напастми различными, *да явться яко злато искушено в горниле — христьяном бо многыми напастми внити в царство небесное*", поскольку "*аще бо не напасть, то не венецъ, аще не мука, ни дарове*"[119]. Таким образом увиденный книжником путь спасения человека предполагал отказ от активного сопротивления "поганым": спасение будет даровано тому, кто подвергнется "казням Божиим", отсюда пассивное, в молитве, ожидание "казни" — вот идеал должного поведения христианина, в представлении составителя Лавр. версии повести о нашествии Батыя.

Восприятие монголо-татар и борьбы с ними в рассказе **Ипат.** существенным образом отличается от восприятия "поганых" в других ранних повестях о нашествии Батыя. Возможно, причиной иного отношения к татарам являлась та отличная от других регионов страны политическая ситуация, которая сложилась в Южной Руси в первые десятилетия после Батыева нашествия. По мнению исследователей, "в этом памятнике отразились антиордынские настроения Даниила Романовича и его окружения"[120]: помещенные в Ипат. "известия о татарском нашествии составлялись в то время, когда Даниил Романович не потерял надежды на создание союза западно-европейских государей для отпора монголо-татарам", а летопись, таким образом, "идеологическими средствами подготавливала читателя к грядущему отпору поработителям"[121].

Используемые автором Ипат. версии в отношении татар эпитеты мало чем отличаются от эпитетов, коими награждают захватчиков составители НПЛ и Лавр. версий повести. Татары — это, в первую очередь, "*безбожнии Измаилтяне*", "*безбожнии Агаряне*", "*иноплеменьныхъ языкъ*"; они — "*беззаконные*", "*поганые*", "*нечестивые*". Среди перечисленных характеристик татар, наиболее отвечающими их сущности, по мнению книжника, являлись "безбожность" и "нечестивость" (соответственно: 7 и 4 упоминания). При этом важной отличительной чертой рассказа Ипат. является то, что, помимо негативных эпитетов в отношении татар вообще, книжник прибегает к достаточно резким характеристикам конкретных ордынцев, и, в первую очередь, ордынских ханов. Так, Батый назван в повести "*нечестивым*" и "*свирепым зверем*"[122].

Татары многочисленны — это автор неоднократно подчеркивает. "*Многомь множьствомь силы* своей" они окружают Киев[123], их — "*множьство*"[124] и поэтому — от них бежит "*множьство*" людей[125], а на поле брани остается "*множьство* избьеных"[126]. В результате их "нахождения" Русская земля оказывается "*исполнена* ратных"[127]. У татар множество всего — оружия (они "стрелами *бещисла*" стреляют[128], их стрелы омрачают свет побежденным[129]), припасов, скота ("от гласа скрипения телегъ его (Батыя. — В.Р.), *множества* ревения вельблудъ его и рьжания, от гласа стадъ конь его" ничего "не бе слышати"[130]). Татары очень

сильны сами по себе — "*в силе тяжце*" они обступают Чернигов и Киев[131], неутомимы в сражении ("*бес престани* порокомъ бьющимъ день и ночь"[132]), "*силными*" являются Батыевы воеводы[133] и т.д.

В представлении книжника татары — народ, наделенный многочисленными отрицательными качествами. Помимо перечисленных, связанных в большей степени с традиционным взглядом на татар как "нечестивых", "поганых", "безбожных", в рассказе Ипат. ордынцы наделяются и некоторыми, на первый взгляд, "более земными" качествами. По мнению книжника, в наибольшей степени татарам была присуща "*лесть*". Дважды при описании татарского взятия Рязанской земли книжник указывает, что ордынцы князя и княгиню "изведоша *на льсти* ... и убиша", а "всю землю избиша"[134]; при осаде Владимира Батый с "*льстью*" обращается к горожаном, а епископ Митрофан молится о том, чтобы паства не "убоялась *прельщения* нечестивых"[135]; рассказывая о мужестве обороняющих Козельск горожан, книжник подчеркивает, что "словесы *лестьными* не возможно бе град прияти"[136]; осадив Киев, татары "хотя *прельстити*" горожан, но те их "не послоушаша"[137]. Вообще, практически все военные победы достаются татарам или за счет их многочисленности, или — и это более распространенный в повести случай — за счет их "лести", за счет умения "прельстить". Подобное наблюдение позволяет исследователям делать вывод о том, что в восприятии летописца "успехи татар были вызваны не столько их силой, сколько коварством и вероломством"[138].

Действительно, чаще всего упоминания летописца о том, что татары "льстивые" интерпретируются как указания на "земные" негативные качества "поганых", на то, что ордынцы — "это люди без чести и совести, с которыми нельзя иметь никакого дела"[139]. Однако, судя по всему, летописец, столь настойчиво повторявший о татарской "лести", не ограничивался только констатацией факта татарского коварства. На самом деле, коварство, хитрость, обольщение, тем более, проявленные татарами во время военных действий, сами по себе вряд ли привлекли бы столь пристальное внимание книжника. Вероятно, он хотел подчеркнуть какие-то более сущностные характеристики пришедшего на Русь народа. Дело в том, что такие качества, как "льстивость", использование "лести" (ср. значения слов "льстивый", "лестный" в древнерусском языке: 'коварный', 'являющийся хитростью', 'имеющий целью обман', 'лживый', 'обманчиво влекущий', 'таящий в себе опасность', 'пагубный', и даже 'антихрист'[140]) должны были порождать у читателей достаточно четкие ассоциации с примерами нечестивого поведения вообще, а также с качествами "нечестивых" народов, в частности. В текстах Священного Писания, знакомство с которыми летописец демонстрирует столь охотно, льстивость, коварство — суть неотъемлимые черты тех, кого называют "нечестивыми" (ср.: "уста его ("нечестивого". —

В.Р.) полны проклятия, *коварства и лжи*; под языком его мучение и пагуба"[141], во время прихода в город "нечестивого" "*обман и коварство* не сходят с улиц его"[142], "человек лукавый, человек *нечестивый* ходит со *лживыми* устами"[143], "помышление праведных — правда, а замыслы *нечестивых — коварство*"[144], "нечестивый народ" "придет без шума и *лестью* овладеет царством", а "поступающих нечестиво против завета привлечет к себе *лестью*"[145] и т.д.).

Наряду с подобным указанием на "нечестивость" татар в рассказе Ипат. практически полностью отсутствуют столь популярные в то время сентенции книжника относительно нашествия безбожных как "кары Господней за грехи наши". Захватчики действуют как бы более самостоятельно, их поступками руководит не столько "само Провидение", сколько их собственный "злой", "льстивый" умысел. Тема "Божьего попущения" в Ипат. "представлена бледнее"; Ипат. не содержит подобно другим ранним рассказам о нашествии "развернутых объяснений всеобщей беды в духе религиозной дидактики, обращенной с призывом к покаянию"[146].

В своем рассказе о татарском нашествии книжник часто выступает как человек, проявляющий значительный интерес к военной стороне событий: он охотно описывает столкновения русских и татар, осады русских городов. При этом в своих описаниях летописец крайне лаконичен, его рассказы скорее напоминают сводки с театров военных действий. Так, при рассказе о завоевании Батыем северо-восточной Руси книжник сообщает, что ордынский хан "*оустремлешюся* на землю Соуждальскоую и *срете и* Всеволодъ на Колодне и *бившимся имъ* и *падъшимъ многимъ* от них от обоихъ, *побежноу* бывшоу Всеволодоу"[147]; примерно также по-деловому описано взятие Чернигова: "*посла на* Черниговъ, *обьстоупиша град* в силе тяжце. Слышавъ же Мьстиславъ Глебовичь нападение на град иноплеменьных, *прииде на ны* со всими вои. *Бившимъся имъ. Побеженъ быс* Мьстиславъ и множество от вои его *избьенымъ быс*, и *градъ взяша*, и *запалиша его огньмь*..."[148] и т.д. Однако, наряду с рассказом о фактической стороне событий, большое значение летописец придавал этической оценке происходящего.

Одной из важнейших морально-нравственных проблем, решаемых автором рассказа на страницах повести о нашествии Батыя, является проблема борьбы с татарами. Подход составителя Ипат. и в этом вопросе существенно отличается от представлений авторов рассказов о нашествии, содержащихся в НПЛ и Лавр. Если в указанных памятниках противостояние "поганым" представлено как дело, заранее обреченное на провал, то в Ипат. борьба с ордынцами выглядит как наиболее предпочтительный способ поведения.

Автор совершенно сознательно вводит в повествование рассказ об обороне двух русских городов — Владимира-на-Клязьме и Козельска. Поведение защитников Владимира в версии Ипат. мало чем отличается от того, как ведут себя владимирцы в версиях НПЛ и Лавр. Выехавший из города великий князь Юрий Всеволодович оставляет в столице княгиню, епископа Митрофана, а оборону города поручает своему сыну Всеволоду. Батый пытается "прельстить" горожан. В ответ епископ Митрофан — духовный пастырь владимирцев старается ободрить защитников города: "оуслышал о семь преподобный Митрофанъ епископъ, начатъ глаголати со слезами ко всимъ: "Чада, *не оубоимся о прельщьньи от нечестивых* и *не приимемь* си во оумъ *тленьнаго сего и скоро миноующаго житья, но ономь не скоро миноующемь житьи попечемься*, еже со ангельскыи житье. Аще градъ нашь пленьше копиемь возмоуть и смерти ны предасть, азъ о томь чада пороучьникъ есмь, яко *венца нетленьнаа от Христа Бога приимете*". "О сем же словеси слышавше, *вси начаша крепко боротися*"[149]. Натиск татар усиливался, и, видя это, Всеволод "*оубояся*", поскольку, — объясняет причины такого поведения князя летописец, — "бе бо и сам *млад*". Надеясь на снисхождение татар, Всеволод "изъ града изииде с маломъ дроужины и несы со собою дары многии, *надеяше бо ся от него* (Батыя. — В.Р.) *животъ прияти*". Ордынский хан, "яко свирепый зверь не пощади оуности его, веле предъ собою зарезати и градъ всь избье", при этом епископ и прочии горожане погибают в огне, "душа своя предаша в роуце Богу"[150]. Таким образом, Всеволод поступает вопреки призыву епископа Митрофана: в надежде получить "живот" от Батыя, думая о "тленьном сего и скоро миноующем житии", забывает о необходимости "печься" о более важном для христианина "житьи" — "не скоро миноующемь". В качестве противопоставления поведению Всеволода автор версии Ипат. буквально вслед за рассказом о защите Владимира вводит в повествование сюжет, посвященный обороне Козельска. Основания для подобного сопоставления более чем очевидны: возглавляющий оборону города князь Василий также, как и Всеволод, "*младъ*". Однако уже на подступах к стенам города, Батый узнав, что жители Козельска "оумъ *крепкодушный* имеють", понимает, что "словесы лестьными *не возможно* град *прияти*"[151]. "Крепкодушные козляне" совет "створше не вдатися Батыю, рекше яко аще князь нашь *млад* есть, но *положим животъ свои за нь*, и *зде славоу сего света приимше, и там небесные венца от Христа Бога приимемь*"[152]. Жители Козельска героически защищают свой город, от их рук гибнет, по словам летописца, четыре тысячи "поганых", и, несмотря на то, что город все-таки оказывается взятым (татары "*изби вси и не пощаде от отрочатъ до сосоущих млеко*"[153]), захватчики не смели "его наречи град Козлескъ, но град злыи, понеже бишася по семь недель"[154]. Итак, в случае с

Козельском жители города поступают прямо противоположным, в отличии от владимирцев, образом. Решившись на героическую, пусть и безнадежную, борьбу с татарами и будучи готовыми "положить живот свои" за юного князя (судя по всему, также, как и они участвовавшем в защите родного города), козляне выбирают "гибель в бою". Именно эта их решимость и должна, по мысли летописца, обеспечить им и "зде" "славу мира сего", и на небесах "жизнь вечную", "венцы от Христа Бога". Таким образом, для того, чтобы обеспечить себе то самое "не скоро миноующее житие", о котором говорил владимирцам епископ Митрофан, необходимо, по мнению автора рассказа Ипат., активно противостоять "поганым".

Важно отметить, что определение козлян как "крепкодушных", видимо, не является случайным. Сам термин, судя по всему, не часто встречается в русских средневековых памятниках[155]. Тем более интересно обнаружить указанный термин в памятнике, синхронном рассказу Ипат. и также посвященном событиям ордынского нашествия. В четвертом "Поучении" Серапиона Владимирского встречается слово "крепкодушие": "*врагъ нашь дьяволъ*, видевъ ваш разум, *крепкодушье*, и *не възможеть* понудити вы на грехъ, но посрамленъ отходит"[156]. Таким образом, можно предположить, что, по замыслу автора Ипат., жители Козельска не просто обладали мужеством, необходимым в борьбе с захватчиками, но и имели более важное для православных христиан качество, позволявшее им противостоять даже проискам дьявола. Кстати, подобная интерпретация является вполне адекватной пафосу рассказа Ипат. Автор повести в целом ряде случаев проводит, правда, неявные, параллели между татарами, Батыем, с одной строны, и слугами дьявола, самим "лукавым", антихристом, с другой. Характеристика татар как "льстивых", коварных находит аналогии с определениями, данным в текстах Священного Писания именно дьявольским силам: исполненным "всякого *коварства* и всякого злодейства" назван "*сын дьявола*"[157]; слово "льстивый", как было указано, имеет среди прочих значение '*антихрист*'[158]; сам Батый сравнивается со "*зверем* свирепым"[159]. По мнению Ефрема Сирина, антихрист, во времена, когда "исполнится нечестие мира", "духом *лести*" будет искушать людей и "*обольщать* мир своими знамениями и чудесами по попущению Божию". В этой ситуации, — пишет В.Сахаров, — "великий подвиг нужен для верных, чтобы устоять против" совершаемых обольщений[160].

Таким образом, в рассказе Ипат. совершенно определенно проводится довольно оригинальная для современной памятнику эпохи мысль о том, что борьба с нашествием татар является праведным делом, а гибель при сопротивлении — настоящим христианским подвигом, способным обеспечить воинам "жизнь вечную"[161]. Для автора рассказа Ипат. совершенно очевидно, что "малодушные губят себя",

для людей же "крепкодушных" лучше погибнуть в бою и обрести "царство небесное", чем, расчитывая на милость "поганых", попытаться спастись или же погибнуть смирившись, лишившись тем самым "венцов нетленных"[162].

Завоевание монголо-татарами Руси рассматривалось автором рассказа Ипат. не только как военное поражение Русских земель. Средневековый книжник, в отличии от большинства своих современников и ближайших потомков, попытался осмыслить произошедшее со страной несчастье на более высоком уровне. В рассказе Ипат. мы встречаемся с определением случившегося как "погибели Руской земли". Дважды летописец, характеризуя ситуацию на Руси после нашествия Батыя, прибегает к подобному или близкому сравнению: тысяцкий Димитрий, оставленный князем Даниилом в Киеве, желая спасти от полного разорения Русь, уговаривает Батыя пойти в землю угров, "види бо *землю гибноущоу Роускоую* от нечестиваго"[163]; уже упомянутый князь Даниил, бежавший от ужасов нашествия, "жалишаси о *победе*[164] *земле Роуское* и о взятьи град от иноплеменьникъ множьства"[165]. Не поднимая вопрос о том, в каком значении употреблен в тексте рассказа Ипат. термин "Русская земля" (скорее всего, книжник имеет в виду "Русскую землю" в "узком смысле" слова), отметим, что подобная оценка произошедшего вполне может быть названа оригинальной. Как показал А.А.Горский, "тема "свершившейся погибели" появляется только в произведении, оценивающем последствия Батыева нашествия — "Поучении" Серапиона Владимирского. Серапион, — пишет исследователь, — пользуясь библейскими сюжетами, говорит о "погибели", ниспосланной Богом на Русь за людские грехи". Автор дошедшего до нас в двух списках "Слове о погибели Руской земли" под "погибелью" также "мог иметь в виду только катастрофическое разорение Руси в результате Батыева нашествия"[166]. Таким образом, оценки, данные автором рассказа Ипат. совпадали с восприятием случившегося неизвестным "переяславцем, весной 1238 г. в Киеве"[167] создавшим "Слово о погибели Руской земли", и Серапионом Владимирским, в 70-е гг. XIII в. обратившимся к своему "духовному стаду" с проповедями, посвященными осмыслению феномена монголо-татарского завоевания.

* * *

Восприятие монголо-татар в ранних летописных повестях о нашествии Батыя (НПЛ, Лавр., Ипат.) имело ряд общих черт. Рассказы летописцев развивались на пересечении двух основных сюжетных линий. "Военная", посвященная описанию батальных сцен нашествия и очерчивающая событийный контур рассказов, была во многом предопределена "эсхатологической", отражавшей рефлексию

книжников по поводу случившегося и раскрывавшей, в свою очередь, смысловую сторону повествований. Понимание происходящих на Руси событий как "кары Господней", ниспосланной "за грехи"[168], влияло, с одной стороны, на отбор сюжетов и средств описания, с другой же, вырабатывало отношение летописцев и к феномену ордынского нашествия, и к самим монголо-татарам, и к возможности противостояния захватчикам.

Монголо-татары в восприятии авторов исследуемых летописных рассказов представляли собой многочисленную, чрезвычайно удачливую в сражениях, коварную и жестокую силу. Большое внимание древнерусские летописцы уделяли поступкам "безбожных", однако, в поведении татар проявлялись, по мнению книжников, не столько присущие самим ордынцам черты, сколько черты, свойственные "нечестивым" народам вообще. Именно поэтому перечень отрицательных качеств татар во многом определялся не столько их реальными свойствами, сколько восприятием их в качестве "нечистого" народа, в "последние времена" ниспосланного в наказание и в исправление погрязшей в грехах Русской земле. Нельзя согласиться с мнением ряда авторов о том, что главной причиной произошедших на Руси несчастий книжники считали княжеские междоусобицы[169]. В подобном подходе ощущается явная модернизация того, как воспринимали летописцы нашествие "иноплеменников". Не междоусобицы сами по себе, не те или иные политические факторы, а греховность людей, морально-нравственная порочность современного им общества рассматривались древнерусскими писателями в качестве основных причин, сделавших возможным наказание Руси "за грехи" при помощи ордынского завоевания[170].

Эсхатологические ожидания эпохи определили одну из главных тем летописных рассказов о нашествии — тему возможного спасения в "последние времена", предвозвестником которых явилось нашествие татар, серьезно осмысливалась на страницах повествований. В представлении авторов рассказов НПЛ и Лавр. спасение виделось в смиренном принятии "Божьей кары" и избавлении от грехов путем покаяния: смиренное покаяние должно было стать гарантией и избавления людей от свалившихся на них несчастий в земной жизни, и получения ими "венцов нетленных" в жизни вечной. Борьба с татарами, воспринимаемая как заранее обреченное дело, не рассматривалась в указанных памятниках в качестве эталона должного поведения христианина. Лишь автор Ипат. выступал за активное противостояние: хотя в его рассказе русские также обречены терпеть от татар поражения, книжник уверен, что только сопротивление "безбожным" способно спасти людские души на Страшном Суде. Характерно, что в тех памятниках, где нашествие "поганых" ассоциировалось только с "казнями Божиими за грехи" (НПЛ и Лавр.),

тема сопротивления захватчикам практически не затрагивалась; в Ипат., где нашествие "безбожных", "льстивых" татар объяснялось их связью с дьяволом, напротив, проблема возможного отпора завоевателям решалась положительно.

Политическая ситуация на юге Руси, а также надежды правителей этого региона найти союзников по борьбе с "погаными" среди западно-европейских государей и католической церкви предопределили специфику восприятия монголо-татар на страницах южнорусской — Ипатьевской летописи. Явная антитатарская направленность Повести в составе Ипат., призыв автора летописного рассказа к сопротивлению "льстивым" ордынцам сближают идеи этого повествование с идеями, высказанными в литературе более позднего периода. Возможно, именно в идеологии составителя Ипат. следует искать корни тех представлений о татарах, которые возникают в последующий период и которые ложатся в основу вырабатывавшейся в рамках древнерусской книжности доктрины активного противостояния захватчикам.

Тема смиренного подчинения судьбе, присущая повествованиям НПЛ и Лавр., также находит продолжение в памятниках последующих эпох. Однако и эта тема переосмысливается, уточняется, эволюционизирует от идеала смиренной гибели перед лицом неотвратимого "наказания Божиего" до концепции мученической гибели "за веру", находящей воплощение и в тексте рассказа Лавр., и в житийных повестях об убиенных в Орде святых князьях.

Однако даже в повествовании Ипат., не говоря уж о НПЛ и Лавр., полностью отсутствует какой-либо оптимизм относительно возможности победоносного исхода борьбы с монголо-татарами. В этом смысле представляются неправильными мнения ряда авторов о том, что "ведущей темой летописания этого периода становится тема борьбы с иноземными захватчиками"[171]. Для автора Ипат. сопротивление дает надежду лишь на спасение души; возможность воинской победы русских книжниками даже не рассматривается. На позиции книжников по данному вопросу повлияли представления о нашествии как о каре Божией: неслучайно никто из незначительного числа активно сопротивлявшихся татарам персонажей летописных рассказов не призывает Господа прийти ему на помощь — ожидать подобной помощи в условиях насланных на Русь наказаний просто бессмысленно. Именно переосмысление причин нашествий татар, отказ от восприятия ордынских набегов только как "кар небесных" приводит в последующий период и к постоянным молитвенным обращениям литературных персонажей с просьбой о заступничестве небесных сил, и к введению в повествования сюжетов, посвященных этому самому заступничеству.

Нет сомнения в том, что авторы повествований о нашествии Батыя на Русь были далеки от того, чтобы изображать "беззаветное

мужество народа", как об часто упоминается в литературе[172]. Идеал человека в рассматриваемый период, судя по всему, был иным. В образной форме этот идеал сформулировал автор Лавр.: не воин-защитник, а "новый Иов терпением и верой" являлся образцом для подражания. Можно согласиться с мнением В.В.Каргалова, заметившего, что "для летописцев в первые полтора века после нашествия Батыя" было свойственно "примирительное отношение к татарскому владычеству"[173]. Именно путь смирения — примирения с судьбой — перед лицом постигших Русь бедствий был одним из немногих, воспринятых обществом в качестве эталона должного поведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Указанную особенность повествований необходимо учитывать, естественно, в той мере, в какой мы вообще можем судить о перечисленных выше обстоятельствах появления текстов. См. подробнее: Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI—XIV вв. М.; Л., 1960. С. 301; Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — нач. XX в. Сб. научных тр. Вып. 1. М., 1990. С. 16.

2 Бородихин А.Ю. Цикл повестей о нашествии Батыя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV—XVII вв. Диссертация ... кандидата филологических наук. Машинопись. Новосибирск, 1989. С. 45—46. (Далее: Бородихин А.Ю. Цикл повестей... Машинопись.)

3 Там же. С. 57.

4 Комарович В.Л. Литература Рязанского княжества XIII—XIV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 75.

5 Ср. с мнением Д.С.Лихачева, который полагает, что "рассказ Ипат. о нашествии татар на Рязанскую землю не имеет ничего общего с рассказом НПЛ" (Лихачев Д.С. К истории сложения "Повести о разорении Рязани" // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261.

6 По мнению В.Л.Комаровича, рассказы НПЛ и Ипат. сближает указание на то, что в осажденном татарами Владимире остался один князь (Всеволод), а не два (Мстислав и Всеволод), как это следует из Лавр., заменившей информацию рязанского источника сведениями ростовского происхождения. См.: Комарович В.Л. Литература Рязанского княжества ... С. 75—76.

7 А.Ю.Бородихин не исключил возможности того, что составление владимирского источника относится к 30-м годам XIII в. См.: Бородихин А.Ю. Цикл повестей... Машинопись. С. 57, 114—115.

8 Насонов А.Н. Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII века // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963. С. 443. Ср.: он же. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 184—185.

9 Насонов А.Н. История... С. 186.

10 По мнению исследователя, рязанский рассказ о нашествии Батыя, попав в НПЛ, подвергся существенному сокращению. В более полном виде, считает

Д.С.Лихачев, рязанский источник отразился в Повести о разорении Рязани Батыем. См.: Лихачев Д.С. К истории сложения... С. 261–262. С мнением о том, что статья НПЛ передает сокращенный вариант раннего рязанского рассказа согласен и А.Г.Кузьмин. (Ср.: Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до сер. XVI в. М., 1965. С. 157–158.) Стоит отметить, что В.А.Кучкин, в целом соглашаясь с мнением Д.С.Лихачева, скептически относится к предположению исследователя о ростовском происхождении одного из источников статьи НПЛ. (См.: Кучкин В.А. Указ. соч. С. 24, 60. Прим. 43, 47.)

[11] См.: Бородихин А.Ю. Цикл повестей... Машинопись. С. 57, 68, 73.

[12] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 117.

[13] Кучкин В.А. Указ. соч. С. 22.

[14] Так А.А.Шахматов полагал, что НПЛ представляет собой свод, составленный в 30-е гг. XIV в. См.: Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 365.

[15] "Вторая часть" Синодального списка НПЛ начинается с л. 119 (обрыв статьи под 6742 (1234) годом). См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. (далее — НПЛ.) С. 5–6.

[16] Предположение о существовании "свода 1255 года" впервые сформулировал И.А.Тихомиров. (См.: Тихомиров И.А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП. 1876 (декабрь). С. 271.) А.Ю.Бородихин существенно расширил аргументацию. Ср.: Бородихин А.Ю. Цикл повестей... Машинопись. С. 72–73, 115.

[17] Там же. С. 72–73.

[18] Там же. С. 57, 115.

[19] Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 136.

[20] Приселков М.Д. Указ. соч. С. 136–142, 144–145. "Во всех случаях, когда сводчику 1239 г., нужно было выбирать между ростовским изложением и изложением владимирским, он без колебаний и компромиссов передавал ростовскую версию. Но в одном случае сводчик 1239 г. отступил от этого приема и дал слитный рассказ по обоим источникам: это в описании Батыева нашествия под 1237 г., которое читалось в обоих источниках свода 1239 г. как последнее известие." (там же. С. 142). Близким по времени к описываемым событиям считал рассказ Лавр. и Дж.Феннел. По его мнению, "тон историй, содержащихся в Лавр., сухой, нерасцвеченный, явно указывает на их современное событиям происхождение" (Феннел Дж. Указ. соч. С. 117.)

[21] См. подробнее: Приселков М.Д. Указ. соч. С. 142–143.

[22] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 282–288.

[23] Насонов А.Н. История... С. 186.

[24] На этот год приходится обрыв в изложении ростовского материала. По мнению А.Н.Насонова, переработка в этот период отвечала определенным идеологическим целям — показать братолюбие князей, вскрыть многочисленные социальные пороки, обличению которых посвящают свои произведения и другие книжники Северо-Восточной Руси (напр., Серапион Владимирский, митрополит Кирилл и др.) и пр. См. подробнее: Насонов

А.Н. Лаврентьевская летопись... С. 449–450. Ср.: он же. История... С. 193–201.

[25] Комарович В.Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 32–33.

[26] Комарович В.Л. Лаврентьевская летопись // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 91.

[27] Там же. С. 90–96. Ср.: он же. Из наблюдений... С. 33–40.

[28] См. напр.: Насонов А.Н. История... С. 181.

[29] Насонов А.Н. Лаврентьевская летопись... С. 439–442; он же. История... С. 180–184. С этим выводом А.Н.Насонова согласен и Г.М.Прохоров (См.: Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1974. С. 86).

[30] Насонов А.Н. История... С. 181.

[31] Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 77.

[32] Прохоров Г.М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. Т. 4. Л., 1972. С. 104.

[33] Там же. С. 79–80, 104.

[34] Случаи заимствования приведены Г.М.Прохоровым (См.: Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 78–83).

[35] Там же. С. 91.

[36] Там же. С. 94.

[37] Развернутая аргументация Я.С.Лурье — см.: Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV века // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 54–62.

[38] По мнению Я.С.Лурье, "построение рассказа о событиях 1237–1240 гг. не предрешает вопроса его датировки. Рассказ о нашествии мог быть составлен и в 1239 г., как предполагал М.Д.Приселков, и в 1281 г., как думал А.Н.Насонов, и еще позже..." См.: Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV — XV вв. Л., 1976. С. 32.

[39] Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись... С. 66–67. Ср.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 244. (Автор статьи — Г.М.Прохоров.) По мнению Я.С.Лурье, "именно с Михаила Ярославича начинается трудная и героическая борьба с полновластием татарских ханов, которую вела в XIV в. Тверь". С этой точкой зрения согласны и новейшие исследователи Повести — А.Ю.Бородихин и В.А.Кучкин. (Ср.: Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 35–36; Бородихин А.Ю. Цикл повестей... Машинопись. С. 12; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 44.) В другом месте Я.С.Лурье высказался более определенно о времени появления Повести: рассказ Лавр. о нашествии Батыя "не мог быть составлен позже 1305 года". См.: Лурье Я.С. Примечания // Приселков М.Д. Указ. соч. С. 268–269. Прим. 86.)

[40] См. напр.: Кучкин В.А. Указ. соч. С. 17. По мнению Дж. Феннела, Ипат. "последовательно отражает один из южнорусских источников, ей недостает подробностей, местами она туманна, неточна, путана и содержит лишь несколько фрагментов дополнительных сведений, происходящих, вероятно, из устных легенд, бытовавших в южной Руси в эпоху после нашествия" (Феннел Дж. Указ. соч. С. 118).

41 Это рассказы о "рязанском эпизоде" нашествия, об осаде Владимира-на-Клязьме, Суздаля, Козельска, о событиях на Сити и пр. (См.: ПСРЛ. Т. 2. М.; Л., 1965. Стб. 778–781).

42 Бородихин А.Ю. Цикл повестей ... Машинопись. С. 114.

43 Там же. С. 64. Ср.: он же. Цикл повестей о нашествии Батыя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV — XVII вв. АКД. Новосибирск, 1989. С. 11. (Далее: Бородихин А.Ю. Цикл повестей... АКД.)

44 Ужанков А.Н. "Летописец Даниила Галицкого": редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. (XI–XVI вв.) С. 274. Исследователь, независимо от А.Ю.Бородихина, также использует упомянутые имена татарских воевод для датировки текста. (См.: там же. С. 270).

45 Будовниц И.У. Указ. соч. С. 302; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 24–25.

46 НПЛ. С. 74–77.

47 См. напр.: Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897. С. 93–94 и др. (Здесь и далее указаны номера страниц второй пагинации).

48 Там же. С. 74.

49 См. напр.: Исх. 10:4–19. Для сравнения: в ПВЛ из пяти упоминаний о саранче, два относятся именно рассказам о "казнях Божиих": о наведении саранчи на фараона подробно рассказывает князю Владимиру Святославичу Философ; в этом же контексте саранча упоминается и в т.н. отрывке "О казнях Божиих" под 6576 (1068). См.: Повесть временных лет. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1996. С. 44, 73. (Далее — ПВЛ.)

50 Истрин В.М. Указ. соч. С. 87, 94, 98; 104, 109, 112.

50а См. подробнее: Рудаков В.Н. Восприятие монголо-татар в летописной повести о битве на Калке // Проблемы источниковедения истории книги. Межведомственный сборник научных трудов. Вып. 2. М.. 1998. С. 13–42.

51 Кучкин В.А. Указ. соч. С. 23.

52 Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 167–168, 170; там же. Т. 2. Стб. 156–159; НПЛ. С. 74, 76–77. Впервые на указанные совпадения обратил внимание Д.С.Лихачев. См.: Лихачев Д.С. К истории сложения... С. 261.

53 Кучкин В.А. Указ. соч. С. 24.

54 Там же. С. 61. Прим. 49. По мнению А.А.Шахматова, "Поучение о казнях Божиих" было вставлено в Начальный свод, а уже оттуда попало в ПВЛ. (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 168–169)

55 См. напр. второе и третье "Поучения" Серапиона Владимирского (ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 442–448) и т.н. "Правила" митрополита Кирилла (Правило Кюрила Митрополита Русского... // Русские достопамятности, издаваемые ОИДР. Ч. 1. М., 1815. С. 106–107). Об идейном сходстве этих памятников см. подробнее: Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Изд. 6-е, испр. М., 1956. С. 197; Рудаков В.Н. Отображение монгол-татар в древнерусской литературе середины XIII–XV

века. (Эволюция представлений, сюжетов и образов). АКД. М., 1999. С. 14–15.

[56] Ср.: Истрин В.М. Указ. соч. С. 93, 95 и др.

[57] НПЛ. С. 75. Ср.: "осквернены боудуть жены ихъ от скверныхъ сыновъ Изьмаилевъ". См. подробнее: Истрин В.М. Указ. соч. С. 93–94 и др.

[58] НПЛ. С. 75.

[59] ПЛДР. XIII век. С. 448.

[60] Там же. С. 446.

[61] Правило Кюрила ... С. 107.

[62] Чис. 14:43; Суд. 1:25; 2 Цар. 15:14; 2 Пар. 20:9; 36:17; Езд. 9:7; Иов 19:29. Ср. также: "тебя постигли ... опустошение и истребление, голод и меч: кем я утешу тебя?" (Ис. 51:19); "не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятелей, ужас со всех сторон" (Иер. 6:25); "и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их" (Иер. 9:16); "юноши их умрут от меча..." (Иер. 11:22); "на все горы в пустыне пришли опустошения; ибо меч Господа пожирает все от одного края земли до другого: нет мира ни для какой плоти" (Иер. 12:12); "если они будут поститься, Я не услышу их; и если вознесут всесожжение и дар, не приму их; но мечем и голодом и моровою язвою истреблю их" (Иер. 14:12) и др.

[63] Ср.: Истрин В.М. Указ. соч. С. 93, 94 и др.

[64] НПЛ. С. 75.

[65] Там же. С. 75.

[66] Там же. С. 76.

[67] Там же.

[68] Будовниц И.У. Указ. соч. С. 302.

[69] НПЛ. С. 75.

[70] Ср.: Будовниц И.У. Указ. соч. С. 326; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 23.

[71] Ср.: "именьникъ" — 'стяжатель', 'корыстолюбец'. (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1991. Т. 4. С. 149.)

[72] См. подробнее: Приселков М.Д. Указ.соч. С. 136–145; Лихачев Д.С. Русские летописи ... С. 282–288; Насонов А.Н. Лаврентьевская летопись... С. 449–450; Комарович В.Л. Лаврентьевская летопись... С. 90–96; он же. Из наблюдений... С. 32–40. Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись... С. 66–67 и др.

[73] Случаи заимствования приведены Г.М.Прохоровым (См.: Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 78–83.

[74] Бородихин А.Ю. Цикл повестей... АКД. С. 12

[75] По мнению В.А.Кучкина, все места ст. 6745 г. Лавр., "где ... дается объяснение завоевания как наказании за "грехи наши", оказываются литературными цитатами". (Кучкин В.А. Указ. соч. С. 44.) Ср.: Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 78–83.

[76] Кучкин В.А. Указ. соч. С. 44.

[77] Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 79.

[78] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Изд. 2-е. Л., 1927. Стб. 462–463.

[79] Истрин В.М. Указ. соч. С. 93 и др.

[80] См.: Лихачев Д.С. К истории сложения... С. 261.

[81] ПВЛ. С. 22.

[82] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 460. "Это "обою страну", — пишет Д.С.Лихачев, — могло касаться только пролива Суд, его обеих сторон, но не Рязанской земли". См.: Лихачев Д.С. К истории сложения... С. 261.

[83] Веселовский А.Н. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. Ч. 261. 1889. Январь. С. 80—92.

[84] Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 1. // Записки историко-филологического факультета Новороссийского университета. Вып. 6. Одесса, 1911. С. 320.

[85] По мнению исследователя, составитель рассказа ПВЛ воспользовался первой русской редакцией "Жития". См.: Вилинский С.Г. Указ. соч. С. 315.

[86] Более подробно об интерпретации текста летописной 941 года и об общих чертах описания дружины Игоря в ПВЛ и монголо-татар в Лавр. см.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 367—368.

[87] Примеры подобного использования хронологической информации см.: Рудаков В.Н. Хронологичекие указания о событиях 8 сентября 1380 года в памятниках Куликовского цикла // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29—31 января 1996 г. М., 1996. С. 337—340; он же. Семантика хронометрического указания в древнерусской книжности (на материале "Сказания о Мамаевом побоище") // Букинистическая торговля и история книги. Межведомственный сборник научных трудов. М., 1996. Вып. 5. С. 124; он же. "Духъ южны" и "осьмый час" в "Сказании о Мамаевом побоище" // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 135—157.

[88] Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 43 и далее.

[89] Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Хронология. М., 1981. С. 24.

[90] Гуревич А.Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психолигия. Сб. статей. М., 1971. С. 198. Ср.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 164—165.

[91] Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 165—166.

[92] Гуревич А.Я. Представления о времени... С. 166; он же. Категории... С. 52.

[93] НПЛ. С. 75.

[94] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462.

[95] Бородихин А.Ю. Цикл повестей... Машинопись. С. 78—79, 81—82.

[96] Там же. С. 82.

[97] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 466.

[98] Там же. Стб. 462.

[99] Там же. Стб. 468.

[100] Там же. Стб. 461. По мнению Г.М.Прохорова, "это несомненная неправда: при взятии татарами сходу города у воеводы этого города были все причины погибнуть, кроме одной — вероисповедной". (См.: Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 88).

[101] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 462.

[102] Там же. Стб. 464.

[103] Там же. Стб. 465.

104 Там же. Стб. 467.

105 Ср. мнение В.А.Кучкина относительно того, что у составителя рассказа не существовало "*цельной* антиордынской политической *концепции*" (курсив мой.— В.Р.) (Кучкин В.А. Указ. соч. С. 49).

106 Будовниц И.У. Указ. соч. С. 302.

107 Так, по мнению Г.М.Прохорова, составление рассказа Лавр. следует относить ко времени кануна Куликовской битвы. Составитель, полагает исследователь, собирался "дать читателю исторические примеры мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами". Появление таких "примеров" в эпоху Куликовской битвы, по мнению Г.М.Прохорова, отражало объективную потребность времени "побороть уже почти стопятидесятилетний страх", поскольку "боящиеся не могли бы победить на Куликовом поле".(См.: Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 87–91).

108 ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 461.

109 Там же. Стб. 463.

110 Там же. Стб. 463.

111 Там же. Стб. 461. В более поздних летописных редакциях повести о нашествии Батыя поведение князей меняется на прямо противоположное. В первоначальном виде Повести о нашествии Батыя (Лавр.) перед нами смиренные князья, готовые подчиниться судьбе и погибнуть вместе со своим братом, отказавшись даже от попыток борьбы с "погаными", и воевода, заставляющий их остаться вместе с обороняющимися владимирцами и не дающий им возможности слепо подчиниться воли Провидения. Позднейшие же обработки текста дают нам совершенно другие образы. Герои меняются ролями. Теперь уже князья изъявляют желание, в одном случае, погибнуть, нежели оказаться в неволи, в другом — с оружием в руках встать "на бой" с "погаными". Воевода Петр из фигуры активной превращается в фигуру пассивную. Подробнее см.: Рудаков В.Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998. С. 191–193.

112 ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 463.

113 Там же. Стб. 468.

114 Там же.

115 См.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 142–143.

116 Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись... С. 63. С мнением Я.С.Лурье согласен и А.Ю.Бородихин. Ср.: Бородихин А.Ю. Цикл повестей... Машинопись. С. 80.

117 ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 467.

118 Там же. Стб. 464.

119 Там же. Стб. 468.

120 См. напр.: Романов В.К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н.Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 102.

121 Будовниц И.У. Указ. соч. С. 302–303.

122 Как показал В.А.Кучкин, подобные "нелестные эпитеты" в отношении ордынских ханов, "считавшихся повелителями Руси", свойственны всему повествованию Ипат. См.: Кучкин В.А. Указ. соч. С. 21.

123 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784.

124 Там же. Стб. 787.

125 Там же. Стб. 787.

126 Там же. Стб. 788.

127 Там же. Стб. 784. Здесь "исполнена" в смысле 'наполнена'. См.: СлРЯ XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 281.

128 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

129 Там же. Стб. 785.

130 Там же. Стб. 784.

131 Там же. Стб. 782, 784.

132 Там же. Стб. 785.

133 Там же. Стб. 784–785.

134 Там же. Стб. 778.

135 Там же. Стб. 779.

136 Там же. Стб. 780.

137 Там же. Стб. 782.

138 Будовниц И.У. Указ. соч. С. 303.

139 Там же; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 19–20.

140 См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 214–215, 322–323.

141 Пс. 9:28.

142 Пс. 54:3–12.

143 Пр. 6:12.

144 Пр. 26:24.

145 Дан. 11:21, 32.

146 Бородихин А.Ю. Цикл повестей... Машинопись. С. 160–161.

147 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

148 Там же. Стб. 782.

149 Там же. Стб. 779–780.

150 Там же. Стб. 780.

151 Там же. Стб. 780.

152 Там же. Стб. 780–781.

153 Этот же оборот использовался автором и при описании взятия Рязани. Ср.: там же. Стб. 778–779, 781.

154 Там же. Стб. 781.

155 См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 33–34. Ср.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1353; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991. Т. 4. С. 322.

156 ПЛДР. XIII век. С. 452.

157 Деян. 13:10.

158 СлРЯ XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 323.

159 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780. Ср. образ "зверя" в пророческих книгах Священного Писания (Иез. 5:17; 14:15, 21; 34:25; Дан. 7:3–23; Откр. 11:7; 13:1–18; 14:9–11; 15:2 и др.)

[160] См. подробнее: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 84. Следует указать на то, что не только жители Козельска, но и многие другие персонажи повести Ипат. противостоят "поганым".

[161] Ср.: Кучкин В.А. Указ. соч. С. 18.

[162] Ср.: Будовниц И.У. Указ. соч. С. 303.

[163] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786.

[164] Среди значений слова "победа" — 'поражение', 'беда'. См. подробнее: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 120.

[165] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

[166] См. подробнее: Горский А.А. Проблема изучения "Слова о погибели Русской земли" (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIII. С. 22–23.

[167] Горский А.А. Указ. соч. С. 33.

[168] "Нашествия татар и сила их ударов ... были настолько внезапны и сокрушительны, что даже в народном сознании эти события запечатлелись как нечто неведомое и сверхъестественное"(курсив мой. — В.Р.). См.: Русское народное творчество. Т. 1. М.; Л., 1953. С. 265 (автор статьи — Д.С.Лихачев).

[169] См. напр.: История русской литературы. Т. 1. М., 1958. С. 139.

[170] Шамбинаго С.К. Русское общество и татарское иго // Русская история в очерках и статьях. М., 1909. Т. 1. С. 577; Пыпин А.Н. История русской литературы. Изд. 4-е. Т. 1. СПб., 1911. С. 206.

[171] История русской литературы. М., 1980. С. 94.

[172] История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 13.

[173] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 219.